

Crème de la Crème

Марсель Жуандо

Новый бестиарий

Перевод

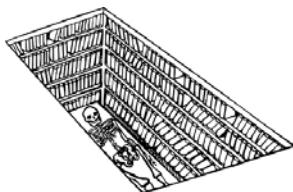
Татьяны Источниковой

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Фр

Marcel Jouhandeau
Nouveau Bestiaire

Редактор: Дмитрий Волчек

Обложка: Алексей Кропин

Верстка: Полина Кручёных

Руководство изданием: Дмитрий Боченков

*В оформлении обложки использована
фотография Бориса Липницкого
«Марсель Жуандо с кошкой Красоткой», 1954*

ISBN 978-5-98144-265-0

© Editions Grasset, 1952

© Kolonna Publications, 2020

ЖАНУ ПОЛАНУ

ИСТОРИИ О ЖИВОТНЫХ

*Животные не испорчены
понятиями добра и зла;
они не имеют отношения
ни к тому, ни к другому.
Вот почему мне так хорошо
в их обществе.*

Как же это прекрасно, Жан*, – сидеть в четыре утра за этим столиком, меж двух горящих свечей, сложив перед собой руки и предаваясь безделью в ожидании дня. Вчера, как только я погрузился в молитву, совсем рядом со мной, за окном, послышалось негромкое воркование моих голубей – то нежное, то страстное. Им отвечали горлицы мадемуазель Массар из дома напротив. Потом со стороны Булонского леса донеслось глухое рычание: просыпались львы из цирка Амар. Вскоре вслед за ними затрубили слоны и заверещали обезьяны. В окрестных садах перекликались петухи. И увенчало этот утренний концерт пение дрозда. Казалось, что он смеется, – тогда как в рычании хищников слышалась жалоба. Этот контраст странным образом захватывал. Я сказал себе, что в основе этого хора голосов, столь разных, – сама Природа, свободная здесь, плененная там, радостная и скорбящая. Ощущение родства со всеми этими существами вызвало у меня слезы.

---

* Жан Полан (1884–1968) – писатель и литературный критик.

Мадам Робен, бакалейщица: – Я всё время удивляюсь: почему мы называем их «звери»? Может статься, звери – это как раз мы. И мы даже не знаем, как они нас называют.

10 Наблюдая благородную сдержанность некоторых животных на фоне вульгарности, жестокости, несправедливости их хозяев, ясно видишь, в ком больше достоинства. То, что мы называем «человечностью», незаконно присвоив это понятие себе одним, – в гораздо большей степени свойственно животным, чем нам. Большинство животных, живущих рядом с нами, отказали бы нам в обладании этой привилегией, если бы имели право голоса. В некоторых случаях на их мордах, обращенных к нам, читается откровенное презрение вместо привычного нам почтения. Точно так же им не чужды ни разум, ни речь, ни смех – всё, что мы обычно считаем «своим», хотя проявления этих свойств у большинства людей таковы, что могут вызывать у остальных лишь чувство неловкости за свою принадлежность к столь ограниченному и самодовольному виду существ.

Элиза*: – Если бы не было животных, разве можно было бы выносить людей?

---

* Элиза Тулемон (1888–1971) – жена Марселя Жуандо, героиня многих его книг.

Возвращаясь с рынка в Нейи, она заметила возле Порт-Майо осла, стоящего в окружении толпы солдат и домохозяек, и воскликнула нарочито громко, чтобы все ее услышали:

– Ну наконец-то хоть одно человеческое лицо! – и расцеловала его.

Воистину мы с ней принадлежим (пусть и с некоторыми оговорками) к одному и тому же виду.

II

Поль Леото прав – только животные в полной мере достойны нашего милосердия. Человек, каким бы он ни был, несет в себе все болезни и все лекарства, всё добро и всё зло, пусть даже в самом зачатке. Он не может быть абсолютно несчастен – а если таков и есть, значит, в той или иной степени это заслужил. Даже избыток несчастий порой служит ему утешением, поскольку питает его гордыню, животным полностью чуждую.

К чести животных стоит также сказать, что они гораздо менее фамильярны с нами, чем мы с ними.

Мои птицы, когда я приближаюсь, возмущенно говорят друг другу что-то вроде: «О, явился этот двуногий скот, который держит нас взаперти!» – но мне хотелось бы верить, что про себя они думают: «Вот пришел наш добрый гений, который приносит нам еду!»

Мой кот не так категоричен, в наших отношениях гораздо больше нюансов. Он обращается со мной, как мог бы человек с экс-

центричными замашками или слишком юная любовница, – небрежно-снисходительно. Птицы, живущие отдельно от меня и запертые в клетке, не испытывают подобных чувств. Кот знает меня лучше, живет бок о бок со мной и столь же свободно, как и я, перемещается в земной стихии, которой мы оба принадлежим. У него нет крыльев, поэтому он мне ближе во всех смыслах. Мы постоянно касаемся друг друга.

Я едва не сцепился с незнакомцем, который бил свою собаку на опушке Булонского леса. Бывают и справедливые войны. «Имейте в виду, я старый солдат!» – заявил этот тип, на что я ответил: «Я новобранец, но лиха беда начало». – «Зачем вы, месье, вмешиваетесь в то, что вас не касается?» – «Если рядом со мной кто-то страдает, это меня касается». И всё то время, что длилась наша перепалка, бедное животное, словно понимая, что я встал на его защиту, не отрывало от меня глаз.

S. рассказывал мне, что в глухом краю, где он вырос, он как-то добыл для своей дочери волчонка, чтобы тот ее охранял. Волчонок так привязался к девочке, что, повзрослев, несомненно предпочел бы убить своих братьев, чем позволить им ее загрызть. Казалось, он полностью забыл о том, что общего у него с дикими волками, и своей настоящей семьей привык считать тех, кто его кормил и ласкал. «Однако, – продолжал S., – когда порой со

стороны леса до него доносился волчий вой, становилось заметно, что он о чем-то задумывается. В такие моменты в нем пробуждалось что-то от его изначальной природы хищника, и в глазах вспыхивали странные огоньки. Казалось, он спрашивал себя, вправду ли нас любит – до такой степени, что готов пожертвовать ради этой любви чем-то гораздо более важным для него, чем пища и ласка. Возможно, тот мир, который мы для него создали, внезапно казался ему чужим и непривычным настолько, что он начинал колебаться, не лучше ли растерзать нас и освободиться от этой искусственной жизни. При виде столь трагичного, всеобъемлющего непонимания, которое я едва мог постичь, поскольку никогда не чувствовал сам, я испытывал всё большее беспокойство. В конце концов мне пришлось его застрелить».

13

Мои друзья выдрессировали домашнюю канарейку – она жила в открытой клетке у них в столовой и вылетала только во время трапез, чтобы принять в них участие. Она прыгала по столу в свое удовольствие – но ни разу не испачкала пометом скатерть. Потом она возвращалась в клетку и в следующий раз покидала ее только затем, чтобы облегчиться. Ее не слишком интересовало большинство «человеческих» блюд, и к их переменам она была равнодушна, – но если кто-то шутки ради запирали ее в клетке, когда приносили фрукты, она поднимала страшный шум

и не успокаивалась, пока ее не выпускали, после чего тут же усаживалась на край тарелки или вазы, чтобы получить свою законную долю лакомства. В семь лет она заболела подагрой, и надо было видеть, с какой благодарностью она принимала процедуры лечебного массажа, который, судя по всему, доставлял ей большое удовольствие и в конце концов ее усыплял.

Уже совсем дряхлая от старости, она всё же прожила дольше многих своих собратьев благодаря микроскопическим дозам аспирина, который хозяева регулярно добавляли ей в воду.

Пес и черепаха

Со слов людей, долгое время наблюдавших это своими глазами, обычный фокстерьер по кличке Тинтин и черепаха Виветта сдружились так, что почти не расставались. Летом черепаха лежала между его передних лап, греясь в лучах солнца, зимой точно так же – у очага. Такая диспозиция была у них неизменной в любое время года. Скорее всего, она была выбрана неслучайно – ради обоюдного удовольствия и как можно более тесной близости, а не просто удобства. Больше того, их повадки, их взгляды, обращенные друг к другу во время совместного отдыха, не оставляли никакого сомнения в том, что эти двое являются надежными союзни-

ками и близкими друзьями, каждая встреча которых – праздник для обоих.

Стоило Виветте застрять между ножкой кухонного стола и стеной, Тинтин не заставлял себя ждать. Разбуженный или просто привлеченный издаваемым ею шумом, он тут же прибежал и осторожными движениями лапы или носа освобождал ее.

Даже если она пропадала из поля его зрения (а черепахи умеют прятаться как никто другой), ее местонахождение никогда не было для него тайной – стоило только хозяевам назвать ее имя, он сразу вел их к ее убежищу, которое всякий раз безошибочно находил.

Когда она умерла, он долгое время носил траур на свой манер: был грустным, неподвижным, почти ничего не ел.

Его хозяева, владельцы шляпного магазина, решили не оставлять его одного и каждый день брали с собой на работу. Лежа на своей подстилке в углу за кассой, он по несколько часов подряд проводил в полудреме, не подавая никаких признаков жизни. Разве что иногда какой-то сон вызывал у него радостное или жалобное поскуливание. Встречал ли он во сне Виветту – или искал и не находил? Когда приходило время закрывать магазин, он каким-то образом понимал это заранее – словно у него внутри были встроенные часы. Он вставал со своей подстилки, тянул хозяйку за юбку или хозяина за полу куртки, словно ему не терпелось поскорее покинуть это место; по дороге домой он начинал при-

нюхиваться и рыть землю повсюду, словно в поисках своей подруги. К счастью для животных, они не вполне осознают, что такое смерть.

16

В России, в богом забытой деревушке, где родился один из наших друзей, свинья однажды сожрала всех своих поросят, кроме одного, который оказался слишком мал и хил, чтобы представлять для нее гастрономический интерес. По обычаю, заведенному для таких случаев, этого поросенка оставили в живых, а свинью убили и сожгли до костей, чтобы никто не смог съесть ее мясо, считавшееся нечистым.

Казалось бы, на том делу и конец. Но нет. Молодая крестьянка, недавно разрешившаяся от бремени, растроганная бедственным положением осиротевшего поросенка, дала ему грудь, когда ее собственный младенец, насосавшись, уснул. После этого и она, в свою очередь, была сожжена заживо.

ПОСЛЕДНЯЯ МИЛОСТЬ ДЛЯ БЕЗДОМНЫХ СОБАК

17

Прочитав мой «Домашний бестиарий» в журнале «Комедия», ко мне пришла одна пожилая дама, хрупкая, но очень подвижная и бодрая, и рассказала свою историю. «Вы знаете, месье, я провожу остаток своей жизни в доме престарелых лицемеров. За нами ухаживают монахини. Тем, кто часто причащается, они уделяют гораздо больше внимания, чем остальным. Что до меня, я никогда не стремилась казаться более набожной, чем есть, а тем более молиться и причащаться напоказ. Поэтому они смотрят на меня как на животное – такое сравнение, замечу в скобках, я отнюдь не считаю для себя унижительным. Я искренне молюсь только на улице, в метро или в своей постели перед сном. Как говорится, Дух веет, где хочет. Когда я захожу в церковь, мне обычно хочется рассмеяться и поскорее уйти – так быстро мне там надоедает. Но, увидев на улице согбенную фигуру бедняка, я молюсь за него. Мне случается молиться не только за людей, но и бездомных собак и кошек. Я не делаю разницы между ними, я прошу милости для них всех у Отца,

Сына и Святого Духа, и они тоже меня не забывают». Сначала я подумал, что последние слова относятся к Отцу, Сыну и Святому Духу, но она уточнила: «Я говорю о животных». – «То есть?» – «Вот, например, я бы не познакомилась с вами, если бы не они; это им я обязана удовольствием нашей беседы». В конце концов она рассказала мне всю свою жизнь: «В десять лет я потеряла отца, и моя мать тратила все свои скудные средства, чтобы воспитать меня как подобает. Но внезапно мне выпал счастливый шанс: месье Трюфье из «Комеди Франсез», который жил с нами в одном доме и принимал участие в нашей судьбе, предложил мне сначала ходить на спектакли бесплатно, а потом играть небольшие роли субреток. Ему казалось, что такое амплуа как раз для меня, но я-то мечтала о трагических ролях! И однажды довела его чуть ли не до слез, наговорив бог знает чего. По его настоянию меня уволили, и я очень скоро впала в забвение.

Но я не отчаивалась. Я самостоятельно, без помощи учителей, выучила наизусть пьесу «Рыжик» Жюля Ренара, и месье Трюфье все-таки устроил мне встречу с автором – отвел меня на прослушивание в «Антуан», где Ренар был буквально ошеломлен моим чтением с самых первых строк.

В результате было решено отправить меня в гастрольное турне по Бразилии. Я заказала себе кучу платьев. Моя мать поехала со мной. Это были две недели величайшего

счастья, самые лучшие в моей жизни. А потом пришла телеграмма. И всё кончилось. Мадам Сюзанна Депре, узнав о том, что меня собираются включить в труппу, добилась снятия пьесы с репертуара – а ведь сама отказалась в ней играть! Ни себе ни людям! От отчаяния я вышла замуж за актера. Оказался полным мерзавцем. Моя мать умерла от горя. И вот теперь я играю трагическую роль не на сцене, а в жизни. Я оказываю последнюю милость брошенным собакам и кошкам, которых подбираю и отношу на усыпление. И остаюсь с ними до самого конца.

19

Вчера, например, я увидела на улице несчастного изможденного пса. Мне рассказали, что его хозяйка, старая женщина вроде меня, но совсем слабая и беспомощная, переехала из четырнадцатого округа в семнадцатый. Обычное дело... Я взяла пса на поводок, и мы пошли пешком к ее новому жилищу. Мы оба едва держались на ногах – то он оступался, то я. Когда мы наконец доковыляли до нужного дома, те люди, которые приютили женщину у себя, сказали, что это не ее собака. Я умоляла дать ему увидеться с хозяйкой, но всё было напрасно – она лежала при смерти, и нас к ней не пустили.

Что оставалось делать?..

Я узнала адрес ближайшего ветеринара и отвела пса к нему. Пока ветеринар готовил яд, я тихонько разговаривала с несчастным животным, сжимая его передние лапы обеими руками и глядя ему в глаза, в которых

светилась надежда, пока они не закрылись навсегда.

Надо ли говорить, что перед этим я как следует расчесала его и вдоволь накормила.

Вот так, месье, я провожу свои последние дни и вот на что трачу свои последние сбережения».

20 Затем, охваченная внезапной тревогой, она спросила: «Месье, ведь Бог добр? Если даже я, не самое доброе создание, не могу спокойно смотреть, как страдают живые существа, и пытаюсь хоть немного смягчить их боль, то разве Всевышний явил нам Себя не затем, чтобы облегчить наше существование? Да, разумеется, я помню о первородном грехе, но, месье... конечно, это только мое мнение... но не кажется ли вам, что Небеса заставляют нас платить за него слишком дорого? Это какое-то ростовщичество!»

Больше я никогда ее не видел.

Один врач, некогда человек полнокровный и цветущий, а ныне совершенная развалина, живет в тесной квартирке с таким огромным количеством блох, что мог бы, по его словам, написать монографию об их привычках, которые выучил наизусть. Он знает, в какое время они засыпают и просыпаются, с какой неумолимой регулярностью пьют его кровь. Он даже утверждал, что раз в неделю они собираются все вместе и устраивают нечто вроде военного совета,

на котором принимают стратегические решения о том, как лучше истощать свою жертву, подтачивая ее силы, но не убивая.

Один пекинес обожал кукол. У него их было четыре, и он каждый вечер укладывал их рядком в своей домашней конуре, прежде чем лечь спать. Зимой он никогда не приходил греться к камину один – сперва он приносил туда кукол, а потом устраивался между ними: две лежали справа от него и две слева.

21

Другой питал страсть к сахарным косточкам. Каждое утро его подвергали гигиеническим процедурам, приятным или раздражающим, после которых он начинал бегать от одной из разбросанных по полу косточек к другой, словно желая поведать каждой свою радость или свое возмущение.

Один пудель коллекционировал детали танцевальных костюмов. Его хозяйка была профессиональной танцовщицей и, возвращаясь по вечерам домой, всякий раз приносила ему одну из них: декоративный шлем, золотую ленточку, веер, китайскую шляпу... Если она иногда приходила с пустыми руками, он сердился. Все эти предметы он складывал в коробки, стоявшие вокруг его домика. Когда приходили гости, он доставал свои сокровища одно за другим и с гордостью им демонстрировал.

Одна домашняя собака приходила каждое утро в спальню своих хозяев, молодой бездетной пары, и запрыгивала к ним в постель.

Но однажды, когда она уже собиралась проделать то же самое, что и всегда, она заметила лежащего между ними новорожденного. Она попятилась и отскочила, а затем бросилась вон из комнаты и больше никогда там не появлялась, как бы хозяева ее ни зазывали.

22

Персидский кот, которого беспечные хозяева оставили на несколько часов в квартире со своим младенцем, страшно изгрыз ему лицо, а когда услышал, что они возвращаются, выпрыгнул из окна седьмого этажа и на смерть разбился о мостовую.

Стремился ли он избежать наказания – или намеренно покончил с собой?

Эта драма заставляет предположить, что животные способны испытывать угрызения совести, – а значит, обладают ею, хотя принято считать, что она присуща лишь человеку. Возможно, нет таких человеческих свойств, которые животные не разделяли бы в той или иной степени, – по крайней мере, в чрезвычайных обстоятельствах, когда индивидуальные свойства природы проявляются сильнее всего.

Ко мне пришла молодая полька, которую заинтересовали несколько имевшихся у меня документов, касающихся Жака Ри-

вьера *. Мы разговорились, и она рассказала мне о своем первом причастии. В то время она жила с родителями на ферме в пяти километрах от Варшавы. И вот, когда она, вся в белом, возвращалась после мессы домой, то увидела, как возле окна мансарды ястреб атакует одну из ее голубок. Она бросилась к дому и, даже не позаботившись снять вуаль и венки, быстро вскарабкалась на крышу.

Ее поведение было признано столь неподобающим для юной девушки, что в тот же вечер ее отослали в монастырь бенедиктинский, где она провела пять лет. «Но мне всё же удалось спасти мою голубку, и с тех пор я всё время чувствую, что она меня защищает».

Позже она рассказала мне, как один солдат привез из Африки, где служил в Иностранном легионе, дикого кота, который, впервые увидев, как падает снег, был настолько потрясен, что почти обезумел. Сначала он в полном оцепенении сидел на подоконнике, созерцая эту белизну, которая окутала всё и, очевидно, полностью его дезориентировала, – а потом внезапно начал бросаться на людей, словно призывая их в свидетели творящегося безобразия и возмущаясь, как они его допустили.

Наша горничная, бретонка, рассказывала, что у нее на родине маленькие девочки,

---

*Жак Ривьер (1886–1925) – писатель. Его переписка с Марселем Жуандо была опубликована в 1979 году.

увидев божью коровку, сажают ее на ладонь, плюют сверху и шепчут: «Божий зверь, божий зверь, дай мне свою кровь!» – и тогда слюна становится розовой, а божья коровка умирает.

Она же утверждала, что у них на фермах нередки случаи, когда курица превращается в петуха и топчет своих бывших товаров, – или наоборот.

24

Каждый год с началом весны мы то и дело слышим в печной трубе – в нижней ее части, где она, изгибаясь под прямым углом, соединяется с печью, – шорох крыльев. Кто-то из новорожденных птенцов, выпавший из гнезда или недавно научившийся летать, случайно проваливается в жерло трубы, выходящей на крышу, и падает в дымоход, где оказывается заточенным, словно в каменном мешке, и начинает отчаянно трепыхаться.

Страшно даже представить, как это маленькое существо, созданное для огромных солнечных пространств, медленно погибает от голода в темноте и тесноте.

Мысли о столь чудовищно несправедливой участи отравляли нам существование каждую весну, несколько лет подряд. Но в этом году, когда ситуация повторилась, мы не выдержали и решили любой ценой спасти несчастного пленника. «Но как может Бог это выносить?» – воскликнул я. Элиза возразила: «Жизнь – это зубчатый механизм, который перемалывает всех. Она только понача-

лу хороша». Мы так рьяно принялись за дело, что вскоре освободили птицу – и это оказался не воробей, не дрозд, а зяблик! Есть поговорка «Веселый как зяблик». Едва оказавшись на свободе, он вспорхнул, мгновенно вылетел в окно и больше не возвращался. Теперь мы могли спать спокойно.

ПТИЧИЙ ДВОР

26

Новая весна, новый выводок.

Элиза слушает, как возятся цыплята, теснясь поближе друг к другу, под ветвями маленького голубого кедра, который мы принесли с рынка. Жизнь бессловесная и уже только поэтому свободная от лжи.

Писк цыплят разнообразен до бесконечности, в зависимости от того, голодны они или сыты, больны или здоровы, грустны или довольны жизнью, тепло им или холодно... Особенно они любят тепло и, согревшись, наперебой выражают свою радость. Порой они составляют целый хор, где у каждого своя отдельная партия. Они сами изобретают мелодию и отбивают ритм, пощелкивая клювами, словно крошечными кастаньетами. Иногда издаваемые ими звуки похожи на пение сверчков – это значит, что они радуются, собравшись все вместе в своем убежище; иногда больше напоминают стрекот кузнечиков на пшеничном поле – хвалебную песнь, пронизанную таким неистовым восторгом, что он передается и слушателям.

В углу гостиной – небольшой зимний сад, а напротив – камин. Цыплята скачут туда-сюда: в их мире одно заменяет собой солнце, другое – деревенские луга. Они никогда не видели ни того, ни другого, но каким-то таинственным образом сохранили в своей крови воспоминания о них, заставляющие к ним стремиться.

27

Один из наших цыплят особенно любит меня, а другой – Элизу. Как только мы появляемся, они бегут к нам, широко распахнув крылья. Один вспархивает на носок моего ботинка, другой цепляется за волосы Элизы.

Сегодня утром мой, вслед за элизиным, умер от холода. Я проснулся очень рано и слегка приоткрыл дверь гостиной, где он обычно ночевал. Поскольку он не устремился ко мне и даже не запищал, я решил, что он спит и не стоит его будить. Два часа спустя я обнаружил его лежащим на спине, совсем окоченевшего. Крошечное тельце выглядело очень аккуратным и хранило достоинство, удивительное для существа такого вида и возраста. Как же я себя упрекал! Почему я не сделал для него всё, что должен был сделать? Он был такой хорошенький, всё время семенил вокруг меня, норовя забраться на руки и особенно – в рукава: когда ему это удавалось, он забирался мне под мышку и там блаженно замирал, закрыв глаза, очевидно, наслаждаясь иллюзией материнского тепла, – которого

никогда не знал, к которому всегда стремился и без которого погиб.

Элиза теперь встает, едва проснувшись. «Нельзя заставлять их ждать! – говорит она. – Ты не представляешь, каково это – выйти затемно из дома, пройти через весь сад и, оказавшись на птичьем дворе, увидеть все эти разинутые клювы, с нетерпением ждущие зерно, которое я им несу!»

28

Яйцо

С наступлением весны наши куры толпятся вокруг единственной корзины, служащей им гнездом, и поочередно откладывают яйца. Всего их восемь. Сначала в гнезде располагаются старшие; их предводительница, Бубуль, – самой первой. Случается, что кто-то из молодых нервничает и начинает торопить почтенную товарку. Но вместо того, чтобы подвинуть ее с места и расположиться в гнезде рядом с ней – чего, без сомнения, не позволяет церемониальный протокол, да и сама старшая не допустила бы, вытолкав конкурентку с недовольным квохтаньем, – молодая курица, например, Финетт, усаживается прямо на плиточную дорожку и, с риском отморозить себе зад, принимается за дело.

В этот момент Элиза, наблюдающая за процессом издали, все же вмешивается, из опасения, что упавшее на твердую поверхность яйцо разобьется. Она разгоняет толпу

кур, собравшихся вокруг гнезда, и усаживает туда Финетт рядом с Бубуль. Остальные возмущенно кудахчут, но в конце концов смиряются.

Для Бубуль наступает торжественный момент – она корчится в последней судороге, и ее соседка, благоговейно опустив голову, отворачивается и закрывает глаза, словно боясь разрушить некую мистерию. Она остается так до благополучного исхода дела, после чего, не отрывая глаз от Элизы, вновь усаживается на свое место. Тем временем старшая, немного успокоившись, подкатывает поближе к себе драгоценный плод своих усилий, чтобы ощутить его тепло и согреть его своим.

29

Я очень люблю тот момент, когда рано утром прихожу на кухню один, – Элиза, чтобы поспать подольше, поручила мне по утрам кормить птиц вместо нее. Войдя, я слышу, как они начинают возиться, потихоньку выходясь из своего ночного убежища. Пока я варю кофе, они клюют зерно. В отдельном загончике слегка попискивают цыплята, еще толком не проснувшись. Я тихо разговариваю с ними, словно убаюкивая, – чтобы они поспали еще немного. Кажется, они вобрали в себя всё тепло и уют спящего дома в этот ранний час. Без сомнения, они принимают меня за свою родительницу и отвечают на своем языке, тем же тоном, что и я, – как дети из церковного хора. Я не сразу замечаю, что мои слова, обращенные к ним, становят-

ся всё более уменьшительно-ласкательными: цыпята, цыплятки, цыпляточки.

30

Среди наших цыплят (их восемь) есть одна маленькая курочка-леггорн, похожая на петуха Фифио, – как бы являющая собой его смягченную версию. Есть и другие леггорны, но далеко не такие белоснежные и не с такими красивыми гребнями – у нее он будто золотой. К тому же от них куда больше шума. Голоса у них резкие и неприятные. Но только не у нее! Она разговаривает очень тихо и деликатно. Ее крылья всегда чуть-чуть расставлены и приподняты, как на изображениях ангелов. Она одинаково безмятежна, когда сидит в своем гнезде или на моем плече, слегка прикрыв глаза, – словно полностью доверяет судьбе в моем лице, так что я не решаюсь пошевелиться, чтобы ее не потревожить. Я бы скорее согласился опоздать на поезд, чем ее согнать, коль скоро она оказала мне честь использовать меня вместо насеста. Впрочем, она выражает мне свою признательность за это надежное пристанище, оставаясь неподвижной и храня молчание, лишь слегка покачивая из стороны в сторону изящной маленькой головкой. Затем, свесив гребешок, она в последний раз смотрит на меня своими золотистыми глазами перед тем как заснуть, – словно желая спокойной ночи.

Элиза говорит, что в «Книге Мудрости» рекомендуется скрывать от животных всё

то, что может их огорчить, и в особенности то, что напоминает им о смерти.

Возможно, так оно и есть, – например, публичная казнь Финетт, которую пришлось зарезать из-за типуна, и вид ее мертвого тела вызвали у всего птичьего двора такую панику, что семь ее оставшихся сестер перестали нестись и даже кудахтать, словно в результате глубочайшего потрясения или в знак траура по своей брэнной жизни, которая, как им до сих пор казалось, будет длиться вечно.

31

Но к сегодняшнему дню они уже пришли в себя – или просто забыли о случившемся.

Сегодня Элиза наблюдала за тем, как нестется Чернушка, и вернулась домой в совершенном восторге: «Нет, ты даже не представляешь себе всю красоту этой церемонии! Надо было видеть ее, сидящую в гнезде: крылья распахнуты, перья дыбом, вся взъерошена!.. Время от времени она приподнималась и начинала быстро перебирать лапами, потом осторожно подбирала клювом соломинки и подкладывала под себя, чтобы сделать свое ложе помягче. Но вот она закрывает глаза, словно погружаясь в транс или в глубокое раздумье, сосредотачиваясь; потом вдруг широко раскрывает их и словно в изумлении смотрит по сторонам. Наконец она высоко поднимает голову и раскрывает клюв – кажется, вот-вот заговорит!.. Но нет – время для откровений еще не настало... Эти постоянные чередования сосредоточенности и рас-

слабленности, должно быть, помогают ей в ее нелегком деле – миссии всей ее жизни. Она действительно трудится! И вот наконец результат! Клюв закрывается, голова опускается всё ниже и ниже, пока совсем не исчезает из вида, скрываясь в гуще перьев на животе, – словно рука, пытающаяся нащупать что-то и извлечь на свет. И вот яйцо выкатывается вперед – чистое и свежее, радующее глаз. Она склоняется над ним и полирует своим жабо, а затем выбирается из гнезда, с довольным и в то же время облегченным видом.

Затем она начинает петь. Увидев меня, слегка беспокоится, словно догадываясь о моих намерениях, – но нет, почти сразу же забывает обо всем и поет дальше».

Элиза, будучи воистину прирожденным архитектором, сумела соорудить из всякого подручного хлама настоящий китайский дворец – из тех, что изображают на лакированных шкатулках, – для обитателей нашего птичьего двора. Вместо крыш она натянула веревочные сетки, двери сделала из разобранных ширм, окна – из стеклянных створок огромного фонаря, который раньше висел у нас при входе, но никогда не использовался по назначению. Двери и окна крепятся к решетчатым стенам с помощью ремней, собачьих поводков и цепочек от сломанных часов.

Когда-то мы купили на стихийном птичьем рынке вдоль набережных двух цы-

плат, которым было всего восемь дней от роду. С тех пор прошло восемь месяцев. Мы не перестаем удивляться при виде того, во что они превратились. Из двух совершенно одинаковых пушистых желтых комочков выросли два абсолютно непохожих фантастических существа: роскошный петух породы фавероль, переливающийся всеми цветами радуги, которого мы называли Бородач, и сассекская курочка, чьи густые белоснежные перья напоминали подвенечный наряд, – ей мы дали имя Голубка. Петух получил свое прозвище из-за двух пучков перьев почти квадратной формы, торчащих по обе стороны клюва, словно бакенбарды почтенного метрдотеля; Голубка – из-за сходства с этой птицей. Подобно тому как один из наших петухов, Тату, своей длинной шеей напоминал гуся, она была гораздо больше похожа на голубку, чем на курицу, – не только цветом перьев, но и очертаниями тела, и манерой держать себя, и кротким нравом. Но самым удивительным было то, что, несмотря на всё их несходство – и даже, казалось, по мере того как оно усиливается, – они, вырастая, всё больше становились единым целым, даже в большей мере, чем если бы они были детьми одной матери, принадлежали к одной породе и имели одинаковый пол. Ни днем ни ночью они не расстаются, будто связанные невидимой и очень короткой нитью. Рано созревший, грубый и нахальный, Бородач топчет всех своих дам, даже тех, кто старше, без всякого

почтения и без малейшего стыда, – и только для Голубки делает исключение, обращаясь с ней как с сестрой. Даже если они спят бок о бок, клюв к клюву, а иногда – засунув головы друг другу под крыло, – это лишь проявления нежности, ничего другого. Если с одним из них происходит несчастный случай – то Голубка сломает шпору, роясь в земле, то Бородач до крови поранит гребень о проволочную загородку, – другой не находит себе места от беспокойства, не спит и не ест. Когда Бородача запирают в клетке за какую-то провинность, Голубка не отходит от нее, пока его не освободят.

Элиза говорит своим цыплятам:

– Ах вы, петушиное отродье!

Я спрашиваю себя, что она имеет в виду.

– Ни стыда ни совести!

Сегодня утром, едва рассвело, я вывел весь наш птичник пастись на лужайке. Ах, Жан, ты бы видел эту картину! Петух, вылетевший впереди всех, встречал каждую из кур сначала страстным поцелуем, потом, почти без перехода, – энергичным тумакom. Согласно законам симпатии и антипатии, не имеющим ничего общего с любовью, чем более или менее пылким оказывался поцелуй, тем сильнее или слабее был следующий за ним тумак – но всегда они были равны по силе, хотя и с противоположным знаком. Так он обошелся с шестью курами, и осталась лишь седьмая –

Голубка. Прodelал ли он то же самое и с ней? Нет! То ли из-за того, что они в один и тот же день вылупились из яиц в одном и том же инкубаторе, то ли из-за того, что они выросли среди людей и каким-то образом усвоили их законы, – однако Бородач неизменно обращается с Голубкой как с сестрой, обрекая ее на мученичество и славу девственности. Где только не прячется стыд!

35

Только ее он никогда не топтал, и только у нее есть право приближаться к его кормушке одновременно с ним без риска вызвать его недовольство. Неужели и животные способны к дружбе?

Пока я пишу, Бородач сидит рядом на красной бархатной подушечке и с живым интересом следит за моими действиями, очевидно, недоумевая, что делает в моей руке перо и зачем я равномерно вожу им туда-сюда.

С наступлением сильных холодов с ним начинается что-то странное: внезапно он бросается из дома на улицу, словно у него жар или удушье, а потом, вернувшись, начинает испускать стоны, переходящие в какой-то хриплый, едва ли не предсмертный клеткот. Но, постепенно согреваясь, он вновь обретает силы. Надо сказать, что куры переносят зимние тяготы гораздо лучше него. Возможно, причиной его странных недомоганий являются приливы крови к гребню.

Когда кровообращение полностью восстанавливается, Бородач перестает клекотать и становится очень смирным и ласковым. В такие моменты он даже позволяет нам с Элизой себя погладить – как позволяли львы пророку Даниилу.

36 Впрочем, Элиза, сама воплощенная энергия, вскоре разочаровывается в нем и начинает презирать за то, что он такой неженка и тряпка. «Оказывается, дорогой мой петушок, ты всего лишь мокрая курица!»

На вид Бородач остался безучастным, услышав это оскорбление, – но, может быть, он запомнил его на будущее? Пока он довольствовался тем, что опустил глаза, но продолжал сидеть на кресле – величественно, словно на троне. Сознывая всю сакральность этого места, он никогда не отправлял на нем естественных надобностей.

Элиза прочно держит в памяти всю историю своего птичьего двора и отдельных подданных. Она помнит всех кур по именам и наружности, знает все их приключения и жизненный путь каждой из них.

Сегодня она мне сказала: «Бородач, конечно, славный петух, но куда ему до твоего Фифио! Помнишь то утро, когда я в первый раз открыла ему двери нашего гинекея? Он тут же напустил на себя загадочный вид и, казалось, начал украдкой оценивать наружность дам

и мысленно выстраивать их в очередь для будущих утех. Это тайное вожделение я помню очень хорошо – как будто фотокадр запечатлелся у меня в памяти. Начать он решил с самой старшей, с Чернушки. Как ты помнишь, он так ее замучил, что мне пришлось зарезать ее из сострадания – она бы и без того скоро погибла от его бурных страстей. Только мадам Корбо ему так и не удалось под себя подмять. Но эта птица была каким-то сказочным чудовищем! Единственная, кого я уважала...»

Чуть позже она вспомнила еще одного петуха, Никодима, и сказала странную вещь:

– Это был не настоящий петух.

– Почему?

– Он довольствовался всего одной курицей.

– Ах, вот как! Значит, мужчина, который довольствуется всего одной женщиной, – не настоящий мужчина?

– Такой мужчина превосходит всех остальных.

– Бездоказательное и предвзятое утверждение.

– Да неужели?

Позавчера погода была ужасной – ледяной дождь шел весь день, и к вечеру наш птичий двор промок насквозь и дрожал от холода. Мы решили на ночь приютить всю живность на кухне, где как следует растопили печь. Пока мы ужинали, наш петух и семь его спутниц, живо разместившись на ночлег в нижней

части хозяйственного шкафа, наслаждались таким неожиданно теплым во всех отношениях приемом. Бородач и Голубка, выросшие рядом с нами, единственные из всех уселись так, чтобы нас видеть; остальные сидели, уткнувшись клювами в стены, словно смущенные незаслуженным даром, принять который они были не готовы (а может быть, им просто мешал яркий свет). Все они так радовались избавлению от холода и сырости, что не осмеливались шелохнуться и даже не приглаживали на ночь перья, из страха нас потревожить, – так что мы даже не смогли бы сказать, что нас больше растрогало: само их присутствие или проявленная ими деликатность.

К десяти часам вечера дождь и ветер еще усилились, и у нас появилось удивительное ощущение (оно и было нам наградой), что блаженство этих маленьких созданий всё сильнее передается нам, даровавшим его им, и при этом не убывает.

Газовое отопление, с которым в последнее время постоянно случались перебои, сыграло с нами злую шутку. Накануне вечером отключилось еще и электричество. В темноте Элиза не смогла сразу повернуть ручку, отключающую подачу газа, а потом забыла об этом (перед сном нужно было сделать множество других вещей). Наутро я, выбравшись из спальни, напоминающей ледяную пещеру, и ненадолго поднявшись в свой рабочий

кабинет, где было не теплее, чем в Сибири, начал спускаться в кухню и еще на лестнице уловил странный запах. Едва переступив порог кухни, я мгновенно зажал нос, бросился к окну и распахнул его настежь. По пути я чуть не споткнулся обо что-то мягкое и вскоре обнаружил лежащие на полу здесь и там неподвижные тела наших домашних птиц. Я поспешно начал выносить их на улицу, одновременно зовя Элизу. Она присоединилась ко мне и подхватила на руки свою любимицу Финетт, приговаривая: «Очнись, дорогая моя, очнись!». Но та не отвечала – глаза ее закатились, голова бессильно болталась из стороны в сторону. Бородач тоже был без сознания, тело его выгнулось дугой, словно в предсмертной судороге – гребень почти касался роскошного хвоста. Я подтащил к окну снаружи садовый стол и начал осторожно класть на него птиц, которых Элиза подавала мне из кухни. Затем, когда они начали понемногу приходить в себя, я стал осторожно расправлять им крылья и слегка подбрасывать в воздух, заставляя взлетать. Вскоре они уже могли делать это без моей помощи. Жизнь возвращалась к ним.

39

На следующий день за ужином мы позволили Бородачу сидеть под столом и лишний раз убедились в его тактичности и терпении, с которыми он ждал хлебных крошек. Разве что время от времени он из любопытства вытягивал шею, чтобы посмотреть, что у нас

на тарелках, – но без каких бы то ни было притязаний. Выяснив всё, что хотел, он скромно удалился обратно под стол.

40 Но очень скоро он стал бесцеремонным – уже на третий день вообразил себя здесь хозяином. Дважды он взлетал на спинку стула и один раз на плиту, пытаясь перелететь оттуда на стол, где стояло блюдо с дымящимся рисом. Я мягко отправил его на место. Он разозлился окончательно и объявил мне войну. Как было усмирить его, не причиняя боли? Пока я раздумывал над этим, он резко взлетел к самому моему лицу. Я едва успел отбросить его, и он упал на пол. На всякий случай я вооружился кочергой. Ничуть этим не смущенный, Бородач взлетел снова, на сей раз явно целясь когтями мне в глаза. Я пинком отшвырнул его к стене, и он рухнул возле нее, слегка оглушенный. Только после этого он присмирел и вернулся к своему гинекею, который всё это время только и ждал его победы, чтобы разделить с ним ее плоды.

С тех пор между нами всё было конечно. Когда я открыл дверцу курятника, он демонстративно повернулся ко мне спиной и отказался выходить, угрожаяще клекоча. И всякий раз, когда я появлялся в поле его зрения, он давал мне почувствовать свою горечь и обиду. В противоположность моим отношениям с Фифио, с этим его собратом я потерпел неудачу – без сомнения, из-за собственной неловкости, которую не сумел

загладить.

Бородач мертв. С каждым днем он становился все злее, и в конце концов ему был вынесен приговор. Казнь назначили на сегодняшнее утро, 19 февраля. В нем было столько жизни, что пришлось убивать его дважды. Я держал его за лапы, а доктор перерезал ему горло. Затем мы оставили его лежать на полу в кладовке, и доктор отправился с визитами к своим больным. Через некоторое время, зайдя за чем-то в кладовку, я с изумлением увидел, что Бородач, пошатываясь, ходит вокруг миски, возле которой мы его положили, головой на ободок, чтобы в нее стекала кровь. Он был похож на свой собственный призрак. Что было делать? Как на грех, я остался один. Ничего не попишешь – мне пришлось взять нож и углубить его рану, и только после этого наступила смерть. Это было всё, что я мог для него сделать. После этого кровопролития мне плохо до сих пор.

41

Вдовы в полной растерянности толпились у входной двери и все еще ждали своего супруга. Именно за этой дверью он исчез, когда на рассвете его забрали, еще полусонного; из-за нее он должен был появиться снова. Их тревога всё росла по мере того как близилась ночь, поскольку он должен был во главе процессии отвести их в курятник. Но он так и не пришел. В конце концов они отправились на ночлег самостоятельно. Его сестра,

Голубка, девственная и белоснежная, держалась на некотором расстоянии от остальных, словно решила оплакивать его в одиночку. По ее более медленной и величавой походке было заметно, что ее скорбь имеет другую природу, чем у остальных, полностью лишенная корыстных сожалений. И вот они все расположились на своих привычных местах в кухонном шкафу, не подозревая о том, что их супруг тоже пребывает здесь, совсем рядом с ними, – в кастрюле, кипящей на медленном огне.

Элиза держит на коленях свою любимую курочку, Бланшетт, и приговаривает, как бы от ее лица:

– Вы только посмотрите на меня – какая я хорошенькая, гладенькая, беленькая. Жаль только, что лапки у меня не желтые. Но гребешок – просто королевская корона! И напрасно мадам Тирио говорит, что в Париже курица не может оставаться белой! Ко мне никакая грязь не липнет! На моих белоснежных перышках – ни соринки, ни пылинки! Я бы ни за что этого не допустила – с утра до вечера я занимаюсь собой, не обращая внимания на споры и ссоры, в которых обычно проводят время мои глупые сестры!

Маленький петушок, совсем юный, которого мы принесли сегодня с Площади Италии, впервые запел и, кажется, сам удивился, как это у него получилось. Он до сих

пор не может поверить, что эта песнь – его собственная, и воспринимает ее как некое чудо, существующее само по себе. Куры, столпившиеся вокруг него, тоже были поражены, особенно Голубка, – должно быть, сперва она подумала, что Бородач воскрес. Но нет – присмотревшись, она увидела, что это другой петух, обладающий почему-то теми же привилегиями, что и ее покойный брат.

43

Вчера еще один молодой петушок решил запеть. Но у этого ничего не вышло, отчего он впал в странную тоску: весь день он держался в стороне от остальных, словно оплакивая свою неудачу и сознавая, насколько смешон. Возможно, по каким-то признакам, ускользающим от человеческого глаза, он понимал, что весь птичий двор смеется над ним. В утешение мы напоили его горячим вином и разрешили зайти в ванную комнату, заповедную для его собратьев. Всё то время, что я занимался своим туалетом, он хранил благоговейное молчание и не отходил от меня ни на шаг, словно собачонка.

Околевшая курица

Сегодня утром я понес зерно своим голубям. Куры, еще некормленные и оголодавшие, единым фронтом бросились мне под ноги, в надежде, что я, споткнувшись, выроню из рук блюдо с зерном – им на поживу. Но я устоял и, растолкав их в стороны, дви-

нулся дальше, преследуемый ими по пятам. Когда я начал продираться сквозь колючие заросли, окружающие голубятню, они отстали.

44 Тут бы и делу конец. Но, возвращаясь тем же путем, уже с пустыми руками, я наткнулся на что-то мягкое. Это оказалась Бланшу, четырехмесячная курочка, судорожно трепыхавшаяся на земле. Я случайно наступил бедняжке на шею. Все попытки привести ее в чувство оказались напрасны – она околела. Понимая, что убил ее по неосторожности, я оставил ее трупик лежать на том же месте, справедливо полагая, что не стоит говорить об этом первым.

Из окна своего рабочего кабинета я краем глаза наблюдал за перемещениями Элизы по саду, ожидая в любой момент услышать ее крики. Но их не было. Настало время обеда, и она позвала меня вниз. Не было и никаких расспросов во время еды. Наступил вечер. Ни слова.

Я вышел из дома и обследовал место трагического происшествия, где оставил свою жертву. Ее там не оказалось. То ли кто-то ее украл, то ли она все-таки оказалась жива и ушла самостоятельно.

Я отправился в птичник и пересчитал всех кур. Одной недоставало. Как раз Бланшу.

Мы с Элизой заснули бок о бок, но я ощу-

щал какую-то недоговоренность. Что-то на-
зревало подспудно, словно готовилось заки-
петь на медленном огне.

На следующий день Элиза подала на обед
курицу под соусом.

– Курица в среду?

Нет ответа.

Я попробовал блюдо.

– Не хочешь же ты заставить меня есть
околевшую курицу?

– Но как ты узнал?!

– Я не знал.

– Она околела совсем недавно.

– И все же...

– Вчера вечером я ее недосчиталась. Се-
годня утром тоже не нашла. Я стала искать
ее и обнаружила в зарослях возле твоей голу-
бятни. Она еле трепыхалась. Я пошла за кон-
сьержем, чтобы он ее зарезал. Когда мы вер-
нулись, ты как раз выходил из голубятни. Она
была еще теплая.

Итак, мы оба кое о чем умолчали: я –
о том, что, возможно, именно я убил Бланшу;
Элиза – о том, что ей не пришлось убивать ку-
рицу, чтобы подать ее на стол.

Кто был больше обманут?

Ивонна, наблюдавшая из своего окна
за всеми нашими перипетиями, еще долго
смеялась над этой историей.

ГУСЫНЯ

46

Сегодня наш зоопарк принял нового постояльца – великолепную гусыню. Во время обеда мы наблюдали за эпическим сражением, не уступающим поединку Давида и Голиафа: Бородач, разгневанный и в то же время, очевидно, слегка испуганный появлением такого огромного монстра, занявшего собой половину кухни, решил, что более достойным будет вступить в бой, чем покориться. Он раз за разом насккивал на гусыню, целясь ей в глаза своими когтями и норовя вонзить в грудь острые шпоры.

Гусыня, которая была гораздо больше него, отбрасывала его одним ударом лапы. Из беспечности или презрения она отказывалась нападать и только защищалась. Но вскоре невольно начала уступать – ярость, что зачастую берет верх над силой, возоблудала и на этот раз. Пришлось вмешаться, чтобы прекратить эту неравную во всех смыслах дуэль.

Гусыня, которую мы называли Тату, – новый музыкальный инструмент в нашем птичьем оркестре. Ее роскошное платье со шлей-

фом придает ей вид Коломбины, а острый белый хохолок и слегка удлинённые глаза – нечто от Пьеро.

Бесхитрость и безобидность также роднят ее с последним, и Бородач, пользуясь этим, никогда не упускает случая толкнуть ее или клюнуть.

«Она не ест, пока ее не погладишь!» – такое открытие вскоре сделала Элиза. И в самом деле, Тату не опускает клюв в глиняный горшок с овсом, прежде чем Элиза не проведет несколько раз пальцами вдоль ее шеи.

ФОЛЛЕТТ

48

Сюзанне Тезенас

После Освобождения мы больше не держим домашних птиц. С тех пор у нас остался лишь один цыпленок, который вырос в маленькую курочку.

Эту курочку, однажды забытую Элизой в саду и укрывшуюся с наступлением ночи в подвале, оконце которого оставалось открытым, мне пришлось вызволять, спустившись в темноту со свечой в руке. Надо было слышать ее испуганный писк из-под вязанок хвороста и видеть, как она, ослепленная светом, в панике хлопает крыльями, цепляясь за мою руку, несущую ее наверх.

Мы с ней постоянно разговариваем, днем и ночью.

По ночам, когда я шевелюсь или кашляю, она недовольно хлохчет на меня – я нарушаю ее покой.

Но иногда она сама вдруг начинает говорить в полный голос – очевидно, комментируя собственные сны, – и наступает моя очередь жаловаться: «Уж сделай милость, болтай

потихе!» Или: «Делать мне больше нечего, как слушать куриные рассказы!»

Но когда она замолкает хотя бы на пять минут, я чувствую, что ее болтовни мне не хватает – как привычной музыки.

– Фоллетт, ты жива?

Она притворяется, что сердится на меня, или из чистого кокетства отвечает не сразу, чтобы меня заинтриговать.

49

С помощью обычных модуляций своего голоса, повышения или понижения тона, перемены тембра Фоллетт дает мне знать, что ей жарко, что ей скучно, что она хорошо устроилась в уютном месте, что она хочет есть. По вечерам она поет мне хвалу за все мои заботы о ней – так восторженно, так горячо, что в конце концов даже кажется, что такое огромное счастье ее тяготит. Иногда ее курлыканье звучит особенно нежно – так она дает понять, что это не стоны боли, а жажда наслаждения.

Нежность между мною и Фоллетт всё растет. Каждый раз, когда я разговариваю с ней с высоты моей кровати, она тает, она опьяняется нежностью, сменяющиеся оттенки которой звучат в ее голосе, напоминая пение сверчка, малиновки и даже соловья.

Когда Фоллетт щебечет, я невольно спрашиваю себя, слышу ли я то же самое, что и все остальные, а не что-то другое, более возвышенное, – настолько я ею очарован.

Усадьба S., куда мы отправили Фоллетт на каникулы, была величественной и простой одновременно. В парке росли столетние деревья, служившие естественной преградой между озером и домом, так хорошо скрытым густой зеленью, что полностью невидимым снаружи. Сама ферма и подсобные сооружения находились как раз на таком расстоянии друг от друга, чтобы чисто деревенские запахи смешивались со свежим воздухом в идеальной пропорции. Прямо у ворот вас встречали свиньи, на удивление чистые, и множество других животных, очень ухоженных, как в хороших питомниках.

Фоллетт, которая ехала сюда вместе с нами целую неделю, по-прежнему являла собой в некотором роде феномен. То ли оттого, что она никогда не видела себе подобных, то ли оттого, что жила с нами, – но она словно не решалась покрываться перьями, втайне желая на нас походить, и оставалась почти нагой. Все, кроме нас, находили ее комичной: ее тело, уже довольно-таки упитанное, было лишь кое-где покрыто пухом, и на кончиках крыльев, подобно двум веерам, топорщились пучки перьев, словно у куропатки. Виски у нее были бледно-голубыми, а голову венчал плотный гребешок, похожий на розовый капор с оборкой.

– Вылитая Мари Лорансен! * – смеясь, воскликнул S. – Если бы та еще постоянно щебетала, как заведенная, – было бы полное сходство!

Самым чувствительным к чарам Фоллетт оказался хозяйский пес Каардан – если она и не пленила его душу, то, по крайней мере, лишила покоя. С тех пор как мы прибыли, вся жизнь Каардана сосредоточена вокруг Фоллетт. Он думает лишь о ней, подолгу ищет ее, если она пропадает из поля его зрения, а когда она наконец появляется, не видит и не слышит никого, кроме нее. Когда мы запираем нашу красотку в корзине с крышкой, он укладывается рядом, и по мере того, как она квохчет всё громче, он начинает всё сильнее рычать, словно они ведут оживленную беседу. Когда мы оставляем ее на свободе вместе с ним, он все время норовит ее коснуться, но не затем, чтобы причинить ей боль, а чтобы приласкать. Он сильнее, но она его совсем не боится – напротив, это он боится слишком сильно задеть ее своей лапицей. Как умиленно он выглядит, смущенный собственными нежными чувствами, которые пытается скрыть, сознавая, сколь неуклюжим стало бы их проявление, а также понимая, что несходство и вызванная им несовместимость

---

* Художница Мари Лорансен (1883–1956) иллюстрировала «Маленький бестиарий» и другие книги Марселя Жуандо, а он написал предисловие к ее альбому.

объекта его страсти и его самого не позволяют им пребывать в объятиях друг друга – разве что в мечтах.

52 Сегодня Каардан галантно проводил Фоллетт до экипажа, в котором мы с ней должны были уехать от него навсегда. Его скорбь нас потрясла. Смятение, граничащее с отчаянием, отчетливо проступало на его овальной морде геральдического льва.

Похоже, Фоллетт нравятся мои руки, потому что они сопоставимы с ней по размеру. Когда я провожу ими над ее гнездом, она приподнимается, трется головой о мои пальцы, прижимается ею к ладони. Потом, чуть отстранившись, принимается клевать мои ногти – всё более увлеченно, так что мне приходится прерывать эту игру, пока она не стала слишком жесткой.

Элиза рассказала мне про семейство дроздов, которое только что обрушилось на наш сад, но я не пошел на них смотреть, потому что не хотел тревожить Фоллетт, уснувшую под полами моего халата, уютно устроившись между моих ног.

– Эта курица такая мерзлявая, что согреться только на сковороде! – заявила Элиза.

Как я рад, что такое существо у меня есть! Фоллетт отвечает на мои чувства взаимностью. Вчера к нам в гости заходил торговец

мукой из Пюи-Гийом, большой любитель животных, и, услышав, как она поет, был, подобно мне, совершенно очарован. В свои три месяца от роду она по-прежнему питается, как цыпленок. «Это для того, чтобы скрасить свое одиночество?» – предположил он. Отделенная нами от своих родичей еще в раннем детстве, она, возможно, по-прежнему зовет мать или кого-то из себе подобных.

53

Кажется, что дни и ночи напролет она только и делает, что улучшает свой словарный запас, который, будучи поначалу крайне скудным, со временем расширился настолько, чтобы выражать любые оттенки чувств в диапазоне от печали до радости, от нежности до страсти, – когда она обращается ко мне; и от вожделения до жестокости – когда она склевывает какого-то мелкого жука или муравья.

Отныне Фоллетт вполне заслуживает прозываться Серафиной. Тело ее по-прежнему лишено перьев, но огромные, сложенные за спиной остроконечные крылья напоминают панцирь или живой колчан, наполненный трепещущими стрелами. Кое-где виднеются снежинки пуха, сквозь которые просвечивает розовая плоть. Зоб напоминает роскошную грудь пышнотелой красотишки, наполовину вывалившуюся из корсажа, отороченного горностаевым мехом. Всё это придает ей вид мифической химеры – странного гибрида, который невозможно отнести

ни к одному из видов известных науке животных.

54

Такой необычный облик и столь же необычный голос способны повергнуть в изумление любого, даже меня, уже давно, казалось бы, привыкшего к ней, – особенно когда она испытывает явное удовольствие от тепла моего тела и моих прикосновений. Увы, что бы я ни делал, как бы ни ласкал ее и ни заботился о ней, – мне никогда не стать петухом, и я очень хорошо чувствую, что она втайне об этом сожалеет.

Для меня нет более волнующей тайны, чем эти взаимоотношения людей и животных: обоюдная любовь и понимание и в то же время – невозможность пересечь границы различий, воздвигнутые между ними неумолимой природой.

Это помогает мне хотя бы отчасти представить всю сложность нашего общения с теми, кто превосходит нас самих.

Фоллетт всё сильнее привязывается ко мне. Вечером, когда я хожу туда-сюда по комнате мимо ее гнезда, которое стоит рядом с моей кроватью, она своим щебетом дает мне знать, что не оставляет без внимания мои перемещения и всякий раз следит за их направлением. Когда я разговариваю с ней вполголоса, она тоже говорит тише; когда я выражаю свою нежность гаммой всё более возвышенных эпитетов, в ее голосе на-

чинают звучать всё более восторженные, лиричные ноты. Она импровизирует, изобретая какие-то необычные модуляции и украшая их всевозможными оттенками, будто стремится напитать свой голос нежностью и силой, звучащими в моих собственных словах. У кого она брала уроки, чтобы достичь такой виртуозности? Когда я призываю ее к большей сдержанности, опасаясь, что она разбудит Элизу, я вижу, насколько хорошо мы понимаем друг друга – не в силах замолчать полностью, Фоллетт постепенно приглушает голос почти до шепота.

Воистину, люди, у которых нет маленькой курочки, даже не знают, какой радости себя лишили и какую трогательную приязнь может проявлять это крошечное голосистое существо, сидящее рядом с вами в своей плетеной корзинке. О, эти наши разговоры! На каждый комплимент: «Моя красавица, мое сокровище, моя прелесть!» – она отвечает новой трелью, новой особенной мелодией. Если мне случается в шутку бранить ее, чтобы посмотреть на ее реакцию, она догадывается об этом и отвечает такой же притворной бранью, допустим, на мое «Мегера!»

Иногда она замолкает чересчур надолго и, поскольку это не в ее обыкновении, я беспокоюсь – но мне достаточно лишь кашлянуть, чтобы она тут же объявилась, живая и здоровая.

Наш диалог звучит примерно так:

- Курочка-курочка!
- Да-да!
- Я боялся, что ты умерла.
- Нет-нет!

И после этого начинается наша обычная беседа о том о сем.

56 В ответ на «Душечка моя!» она закатывает глаза. На «Любовь моя!» – томно вздыхает. На «Ангел мой!» – хлопает крыльями. На «Моя принцесса!» – выбирается из гнезда, чтобы с гордостью продемонстрировать мне свою корону.

Я всегда держу под рукой виноград – лакомство, которое она предпочитает всем остальным. Птица, клюющая виноград, – один из самых трогательных образов, часто встречающийся в виде скульптур и барельефов на капителях наших соборов.

Когда я думаю о том, как она должна себя чувствовать, живя в непривычной для нее обстановке, меня утешает лишь то, что мы смогли обеспечить ей заботу и любовь. В ее пении мне порой слышатся сменяющие друг друга жалоба и благодарность: первая – из-за того, что мы с самого детства разлучили ее с братьями, вторая – за то, что мы сами неразлучны с ней, даже в путешествиях. Она никогда в жизни с нами не расставалась. Вся ее вселенная – это мы, и прежде всего я. Когда я вхожу в сад, она, при всем своем гурманстве, тут же отрывается от еды, чтобы присоединиться ко мне. Радость встречи с другом

одерживает победу над неукротимым аппетитом.

Вчера она была одна на первом этаже. Мы обедали на втором. Как бы к нам присоединиться? Она скучала в одиночестве, к тому же надеялась разделить с нами трапезу.

Сидя у порога, Фоллетт краем глаза наблюдала за служанкой Жерменой, носившей блюда наверх. Потом Жермена взяла угольную лопату, чтобы отнести ее в мой кабинет и растопить там печь. «Какая удача! – должно быть, подумала Фоллетт. – Можно доехать на лифте!» И она вспорхнула на лопату как раз в тот момент, когда Жермена подошла к подножию лестницы. Можно вообразить себе наш восторг, когда мы увидели их обеих: одну – довольную случаем рассказать, как всё произошло, другую – гордую своим подвигом. Охотно признаю, что никогда не мог бы заподозрить в курице такое хитроумие, не говоря уже о стремлении проказничать.

57

Полтора года спустя

Если бы Сюзанна спросила, какие у меня новости о Фоллетт, мне пришлось бы солгать или вынужденно сознаться, что Фоллетт оказалась петухом и отплатила нам за все наши ласки и заботы черной неблагодарностью, превратившись в невероятно злобное и агрессивное существо, которое мы в конце

концов зарезали без особых сожалений и съели без малейших угрызений совести.

Отчасти нас извиняет то обстоятельство, что для нас речь шла уже не об убийстве Фоллетт, но заменившего ее свирепого монстра с мясистыми, налитыми кровью гребнем и бородой.

УТКИ

59

Утки всегда дружны, бодры и веселы, в отличие от кур, то ссорящихся, то пребывающих в унынии.

Они скорее склонны делиться угощением – даже в ущерб себе, поскольку ненасытны, – чем оспаривать его друг у друга. Они никогда не проявляют агрессии к своим собратьям.

Если кто-то из цыплят, заблудившись, попадает в их владения, они принимают его без особого восторга, но и не прогоняют, терпеливо вынося его присутствие и делая вид, что не замечают его. Они ничем не делятся с ним, ничего у него не отбирают – он словно не существует для них, поскольку не принадлежит к их сообществу. Между тем внутри их стаи царит такое единство, такая сплоченность, что я невольно задаюсь вопросом, различают ли они друг друга как отдельных субъектов, – поскольку со стороны кажутся единым целым.

Какое чувство спаянности! Стая значит гораздо больше, чем любой индивидуум. Своим куда более сильным коллективным инстинктом она принимает решения и берет

на себя ответственность за них. Она выбирает и жоака, и герольда, который должен громким криком предупредить остальных в случае опасности. Он замечает ее прежде всех.

60

Буквально только что, услышав снаружи невероятный галдеж, я подумал: «Да кто же это может кричать так громко, настойчиво и отчаянно?» В общем гвалте невозможно было различить отдельных голосов. На миг мне показалось, что я услышал крик человека, затравленного яростно лающими собаками. Я поспешил наружу и в глубине сада, где Элиза держала уток, возле небольшого прудика, увидел одного из наших селезней, который, вытянув шею, издавал резкие громкие звуки, ни на что не похожие – высокие и пронзительные, они напоминали одновременно вой сирены, гул набата и пение трубы. Вокруг него столпилась стая, дрожащая от ужаса. Я пересчитал уток – их оказалось пять. Элиза бросилась на поиски шестой и вскоре обнаружила ее болтающей лапами в воздухе и застрявшей головой в норе, где сидела крыса и пожирала ее заживо! Кажется, никогда мы не действовали с такой быстротой, как в этот раз, освобождая жертву от мучений и обрушивая заслуженную кару на палача.

Всем известно, что животные, словно они умеют считать, испытывают сильнейшее отвращение к тем своим собратям, кто родился с лишним пальцем, и всячески тре-

тируют последних, если сразу же не изгоняют.

И вот вчера мы на время поместили наших утят в курятник, чтобы почистить их загон и кормушки. Цыплята, столпившиеся в некотором отдалении, принялись разглядывать незваных гостей и, казалось, увидели только одно – их перепончатые лапы. И тут же обрушились на пришельцев и начали яростно клевать именно перепонки, видимо, сочтя их уродством, излишеством или каким-то нелепым аксессуаром, приобретенным лишь из-за отсутствия вкуса.

61

Больше того, Кармелитка – курица, прозванная так за свой светло-коричневый цвет, – сидевшая в отдельном загончике со своим двойным выводком, при виде этих непонятных чужеродных существ пришла в такой ужас, что разломала загородку и сбежала. Мы нашли ее только через два дня.

Я нарочно поместил одного цыпленка по имени Мальчик-с-пальчик, очень любопытного и нахального, среди утят, которые были всего на месяц старше него, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Постепенно они привыкли к нему и, хотя не приняли как своего, не прогоняли и не унижали. Когда они все вместе толпились у кормушки, цыпленок расталкивал утят или даже пробирался по их спинам, как по живому ковру – и они не протестовали. Казалось даже, что такая бесцеремонность их забавляет.

Он так любил эту утиную чехарду, что иногда просто вспрыгивал на спину кому-то из утят, и тот, не делая ни малейших попыток избавиться от него, так и носил его какое-то время. Я бы даже не смог сказать, что удивляло меня больше: полное доверие пассажира или терпение транспортного средства. «Неси меня куда хочешь, лишь бы куда-то ехать!» – казалось, говорил Мальчик-с-пальчик. Только если седок начинал слишком активно возиться, утенок пытался сбросить его, делая лапой такие движения, словно вычесывал блох, – так что в конце концов Мальчик-с-пальчик, как бы случайно задетый, оказывался на земле.

Иногда я уже готов был поверить, что утята добровольно согласились играть с этим шалопаем, – но нет, никакого особого расположения они к нему не проявляли и никакого удовольствия от этих игр, судя по всему, не получали, – в их отношении к нему скорее сквозило то вежливое равнодушие, с которым мы обычно поддерживаем светскую беседу.

Элиза предпочитает называть Мальчика-с-пальчик Эскобаром – возможно, из-за его проделок*.

Со временем Эскобар приобретал всё больше власти над утятами и, очевидно, решил вообще с ними не расставаться. Теперь он умышленно избегал своих собратьев,

---

* Escobar (франц.) – пройдоха.

и я его понимал – куриное сообщество было недружелюбным, эгоистичным и ограниченным. В прогулках и пирах своих новых перепончатопалых знакомых он участвовал с гораздо большей радостью – и порой я спрашивал себя, понимает ли он разницу между ними и собой, или такие мысли даже не приходят ему в голову. Его почти нельзя различить среди них, когда они, словно взяв над ним опеку, со всех сторон укрывают его своими крыльями, чтобы защитить и согреть. Если же они слишком плотно прижимаются друг к другу, он разваливается на них сверху, как на широком ложе, и даже если его крошечное «пулевое отверстие» оказывается рядом с глазом или клювом кого-то из них, – утята этим ничуть не оскорблены. Когда он взгромождается на спину одному из них, остальные расступаются, давая собрату возможность укувылять в произвольном направлении со своим седоком. Даже непонятно, кто из двоих больше их забавляет.

Влекомый укоренившейся привязанностью к своим новым сородичам, Эскобар, конечно же, полез вслед за ними в воду. Я спас его и принялся растирать нагретым полотенцем. В этот момент вошла Элиза. «Ну, что он еще натворил?» Она унесла его, и вскоре я услышал жалобный писк наказуемого.

ЧЕРЕПАХА

64

Софи, наша черепаха, прогуливается перед курятником, ползая туда-сюда. Иногда она останавливается и плюхается на траву, блаженно вытянув лапы и шею. Все куры столпились у окошка и наблюдают за ней. Когда появляется кот, Софи втягивает голову и лапы. Она очень хорошо знает, чего от него ждать. Каждая их встреча заканчивается тем, что она остается лежать перевернутой на спину, в беспомощном состоянии.

Раньше я не мог понять, почему она всё время держится вблизи курятника, но теперь знаю – из-за салата. Она так любит его, что научилась приподнимать вертикальную решетчатую дверь курятника и заползать внутрь.

Куры принимают ее хорошо, даже с некоторым почтительным любопытством – как мы принимали бы важную особу, способную позволить себе въехать к нам в дом в карете.

Польщенная таким вниманием и довольная тем, что ей удалось избежать бесцеремонного обращения Дуду, который не решается последовать за ней в это убежище, – Софи, кажется, не собирается больше покидать ку-

рятник, где нашла себе скромное, но достойное место.

Вирго уверяет меня, что между кошками и черепахами всегда разыгрываются сражения с трагическим исходом. По моим наблюдениям, трагическим он бывает только для черепах.

С тех пор как мы с Софи познакомились ближе, она перестала церемониться со мной. Теперь она уже не высовывает голову из панциря, чтобы приветствовать меня, когда я прохожу мимо. В моем присутствии она ведет себя так, словно пребывает в одиночестве.

КАНАРЕЙКИ

66

Забавно наблюдать, как две маленькие желтые птички, сидящие в соседних клетках, ведут беседу. О чем же они говорят? Жалуются друг другу на мужей, или, может быть, обсуждают меня?

Семь часов. Я несчастен. А ведь вчера был такой замечательный день! Мы так хорошо сидели с Элизой на кухне, она – полностью обнаженная, я – в двух теплых халатах, надетых один поверх другого. Никаких гостей, никаких разговоров. Я полностью погрузился в работу, ни на что не отвлекаясь. Мы почти одновременно заснули, и вместе с нами погрузился в сон весь наш ковчег.

В полночь запел петух, потому что снаружи, на бульваре, залаяла собака.

В шесть утра я проснулся, спустился вниз и, пока разводил огонь в печке, поискал глазами своих птиц. В кухне стоял слабый запах газа, но я не обратил на него особого внимания... пока не обнаружил четыре застывших трупика.

Невозможно было сразу полностью осознать эту неподвижность, окончательную и бесповоротную, это молчание. Вот сейчас наступит рассвет – а я не услышу их пения, нежного шороха их крыльев? Какое чудовищное воскресенье! У меня такое чувство, что теперь я останусь один до конца своих дней.

Мой щегол был таким красивым, ярким и пестрым, и еще вчера я кормил и гладил его... как выяснилось – в последний раз!

67

Вдруг мне пришла в голову одна мысль, которая отчасти меня утешила. Это моя мать их забрала, сказал я себе. Как раз накануне я повесил в кухне, для вящей семейной атмосферы, фото ее надгробия. Моя мать наверняка решила, думал я, что в нынешние времена держать дома певчих птиц – слишком большая роскошь, и к тому же для меня, уже молодого усталого человека, это лишние хлопоты. И она широко распахнула перед ними двери своего рая. Эта горячо любимая и чтимая мною женщина была вполне способна на такое – жестокость во имя милосердия, решимость во имя любви.

И вот этот день, вместо того чтобы сиять радостью и наполнять душу покоем, стал чернее ночи. Я по-прежнему ищу глазами моих птиц и не нахожу никого – ни златоглавую чету – Орфея и Эвридику, ни Хохлатку, ни Чертополоха... Какая трагедия! Ах, когда уж теперь и они, в свою очередь, позовут меня?.. Когда я окажусь в их мире, гораздо более простом, чем наш, где не будет никаких

чар, никакого волшебства – потому что всё будет настоящим?..

Можно отсчитывать годы по птицам, которых вырастил или потерял. Эти радовали меня целых четыре года.

68 Они разделяли со мной тревожный август 1944-го. Они переходили из рук в руки, когда мы были вынуждены покинуть наш дом, и в конце концов их приютил Жан Полан на улице Марбо, где и сам нашел пристанище.

Я благоговейно завернул четыре маленьких тельца в драгоценную ткань. Какие же они были красивые! Один – весь словно золотой, другой – в алой шапочке... Чертополох и Орфей, прощайте, мои милые! Как часто вы помогали мне отвлечься от грустных мыслей!.. Вы, да еще фисгармония – вот и вся моя музыка во время войны. Но как же она скрашивала жизнь!

Я помню вашу клетку на окне в окружении клематисов и вьюнков – дивная картина, напоминающая китайскую гравюру, которой восхищались даже случайные прохожие! Прощайте, чудесные создания, такие веселые и живые, которых застиг во сне иной сон, более глубокий! Прощайте!

ГОЛУБИ

Оливье Давиду 69

Наш дом выглядит совсем иначе с тех пор, как мы завели голубей. Каждую минуту обстановка меняется.словно вырастая из стен, тут и там внезапно распахиваются крылья, похожие на веера или створки гигантских раковин, а крыша напоминает место встречи флюгеров со всей округи.

Один мой знакомый, любитель кур редких пород, пообещал: «Я принесу вам яйцо, чтобы вы подложили его под Мандан (так он назвал голубку, которую отдал нам на воспитание), – такое, из которого гарантированно вылупится отличный цыпленок. Но перед этим вы должны забрать у нее одно из яиц и выбросить его. Их не должно быть больше двух – это максимальное число, которое голубка может высидеть».

Когда я рассказал ему, что повесил в голубятне качели, он воскликнул:

– Ах, Марсель, какой вы еще ребенок! Ну надо же! Наверно, со времен праотца Ноя ни-

где нельзя было увидеть, как голуби качаются на качелях, – только у вас!

– Ну да, качаются, и судя по всему, очень довольны!

Он пустился в долгие сентиментальные рассуждения, которых я, признаться, почти не слушал. Наконец он спросил:

70 – Вы не идете за мной по следу из хлебных крошек?

– Нет-нет, я вас слушаю... мне кажется, так я гораздо лучше вас понимаю, чем если бы вслушивался в каждое слово.

– О, позвольте мне еще немного поблаженствовать, забыв обо всем и созерцая это великолепие!

Только что я запустил в вольтер двух голубей, которых купил на рынке, и они тут же спрятались в деревянном домике без окон. После долгого пребывания в клетке у витрины торговца, на глазах у всех, – наконец-то в приватной обстановке! Какая роскошь – позволить себе укрыться от чужих взглядов!

Что за новости! Адонис и Психея, такие красивые еще вчера, теперь, лишившись своих роскошных густых воротников, выглядят как огородные пугала. Печальные последствия сладострастных утех!

Два недавно приобретенных мною белых голубя, массивных и неповоротливых, напротив, вовсе не подвержены любовной лихорад-

ке, зато весьма склонны к чревоугодию. Возможно, именно их невинностью объясняется тот факт, что мадам Шабо, которая мне их продала, ошибалась насчет их пола.

Когда пара голубей, которую мне «одолжил» один любитель, стала моей (то есть после того как я за них заплатил), я отпустил их на свободу – и вскоре Психея исчезла. Прошло два месяца. Неужели она стала добычей кошки? Адонис, оставшись один, пребывает в печали; странно, что он, который так ее любил, не отправился на ее поиски. Но, возможно, он каким-то образом узнал, что она мертва. Окруженный детьми и внуками, которые повсюду сопровождают, а иногда задирают его, он, кажется, смирился со своим вдовством, стал более послушным и уступчивым.

71

Событием дня стал выпуск на волю двух массивных белых голубей. Их гнездо находится в глубине сада, напротив дома, но оно их почти не интересует. От клетки, из которой мы их вытащили, они удалялись нехотя, словно сожалея об утраченной безопасности. Право свободно летать, судя по всему, кажется им ненужным излишеством. Они едва ли не сердятся на нас за свободу, которую мы им дали и которая стала для них обузой. Как хорошо было в клетке, где одни и те же порядки установлены раз и навсегда, где каждый день в одно и то же время тебя кормят и постоянно оберегают. Теперь они лиши-

лись предсказуемости и спокойствия своей тюрьмы.

Но, бог ты мой! каким дивным украшением дома они стали! Всякий раз, бросая на них взгляд, мы невольно замираем, любуясь ими.

72 Оказавшись на свободе, первую ночь они провели, укрывшись под портиком входной двери, где заснули на карнизе, прижавшись друг к другу. В темноте их можно было принять за двухголового монстра, старинный герб или одну из гуашей Маркуссиса.

Я живу только этими двумя белыми голубями, которых отпустил, – такими белыми, что они кажутся почти нереальными. Мы повесили обе их клетки справа и слева от входной двери, и теперь они проводят дни в саду, где семят по дорожкам или летают вокруг нас, а на ночь возвращаются в свои убежища.

Они знают, что я люблю их больше всех, и наносят мне долгие визиты. Один из них особенно любит садиться на карниз, вплотную к стеклу, и слегка постукивать по нему клювом. Чуть приподняв крылья и втянув голову в плечи (отчего становится похож на священника, облаченного в стихарь), он смотрит на меня, а я – на него. Этот немой диалог может длиться часами.

Если бы не голуби, я бы никогда не разглядел в наружных стенах ни трещин, ни едва заметных выступов, за которые они цепляются, ни карнизов, по которым они прогуливаются. Летая вместе или порознь, танцуя в воздухе или поворачиваясь друг к другу спиной, что-

бы заснуть, ласкаясь или ссорясь, они непрерывно составляют живописные композиции, напоминающие фрески или капители, – словно под рукой гениального скульптора оживает камень.

Весь дом усыпан белыми перьями, как в июне – лепестками роз. Вчера вечером пара белых голубей устроилась на ночлег на одной из персидских штор нашей спальни. Когда Элиза, не заметив их, потянула ее к себе, две уже заснувшие птицы свалились прямо на ее обнаженное плечо и, охваченные смятением, лишь каким-то чудом успели зацепиться за одежду, чтобы не соскользнуть на пол. Она осторожно приподняла сложенные полукругом руки, чтобы голуби удержались на них, и склонила голову, почти коснувшись трепещущих крыльев. Картина была прекрасна до слез. Мы еще долго целовали и гладили птиц, прежде чем соорудить для них импровизированное гнездо, где они быстро заснули.

После этого ночного приключения белые голубиные перья и легкий пух, усеявшие пол спальни, разлетелись по всему дому.

Пара белых голубей меня разочаровала. Получив свободу, они перестали обращать внимание друг на друга. Отсюда я заключил, что это две самки, – и в самом деле, вскоре одну из них завоевал дикий голубь, а вторую начали оспаривать двое соперни-

ков, и прежде не слишком расположенных друг к другу.

Из всего выводка без любви остался один-единственный голубь – одноглазый метис кофейного цвета, очень похожий на сову.

74

В некотором отдалении от всех, печальный и элегантный (казалось, он облачен в смокинг – настолько идеальны очертания его тела), о чем-то грезит Адонис, судя по всему, овдовевший навсегда.

В мире голубей происходят перемены. Они больше не прилетают ко мне на окно с прежней регулярностью. После зимних холодов, ставших для них суровым испытанием, они почувствовали приближение весны. Теперь только любовь имеет значение! Приоткрыв среди ночи балконную дверь, я вижу, как они расхаживают по крыше своей обители, и даже лежа в кровати слышу их непрерывное воркование.

Дикому голубю не удалось полностью разлучить двух белых голубок. Этим утром, около шести, одна из них, запертая в голубятне, чуть повернув голову, украдкой наблюдала за тем, что происходит на крыше дома, где другая страстно прижималась к голубю. Обе стонали совершенно одинаковыми голосами, словно жалея, что не могут слиться в единое целое.

Та из двух белых голубок, чью сестру обхаживает дикий голубь, совсем затосковала – то ли страдая от разлуки с ней, то ли втайне ревнуя ее к разлучнику. Ночью она отказывается спать рядом с влюбленными, днем старается избегать их общества. Она ищет себе уединенных мест, словно с тех пор, как она осталась одна, ей хочется, чтобы ее одиночество стало абсолютным. Она демонстративно отделяет себя от прочих собратьев, она не скрывает своего плохого настроения и всем своим видом обвиняет сестру, которая ее бросила. Может быть, воркованье этой парочки раздражает ее или причиняет боль?.. Всякий раз, открывая окно, я вижу, как она сидит, забившись в угол, с недовольно-брюзгливым видом. Сегодня она даже не прилетела вместе с остальными клевать насыпанную мной коноплю.

Порой вторая Бланш позволяет утешать себя Адонису: «Ты потеряла сестру, а я – мою Психею, мою душу! Соединим же наши скорби!» В последнее время по несколько раз в день вся голубиная стая в полном составе усаживается на одной из пилястр фасада в одном и том же особом порядке, словно актеры, выходящие на сцену после спектакля, – готов поспорить, они празднуют свадьбу! Адонис, прекраснейший из прекрасных, располагается в центре, по бокам от него – две белые голубки, с каждой стороны от них – дикий голубь, по краям – Вероника и одноглазый.

Кажется, они сознают, как именно им нужно расположиться, чтобы общая композиция была идеальной, и каждый раз воссоздают ее заново исключительно ради моего удовольствия.

76

Больше всего мне нравится, когда Адонис и Бланш поворачиваются друг к другу, – очертания его профиля, слегка заслоненного ею, образуют вокруг ее головы подобие ореола.

Меня невероятно трогает зрелище, которое я наблюдаю всякий раз, проходя мимо голубятни: обе мои белые голубки, такие сосредоточенные и серьезные, высидивают яйца, каждая в своем гнезде. Это продолжается до полудня, почти минута в минуту, – как будто они знают время или слышат бой часов, доносящийся из дома, – и вот они улетают, а самцы занимают их место.

Какая радость – проработав какое-то время перед рассветом, с первым лучом солнца услышать в воздухе шорох голубиных крыльев. Моим питомцам не терпится приветствовать меня и приняться за угощение, которое я приготовил для них еще накануне. Распахнув ставни, я первым делом выставлю его на подоконник.

Каждый день они всё меньше боятся и подлетают всё ближе ко мне. Их крылья и мои руки соприкасаются, и я почти не от-

личною одни от других в предрассветном сумраке. Нет ничего приятнее этих нежнейших прикосновений, создающих иллюзию близости с этими маленькими существами, алчными и бесстрашными.

Тот из моих голубей, что слеп на один глаз, не сводит с меня уцелевшего глаза целыми днями, стоя, словно на посту, на карнизе с другой стороны окна, за которым я работаю. Он прилетает туда первым, еще до рассвета, – так обычно наиболее нуждающегося заёмщика, приходящего в кредитную контору, можно угадать по чрезмерной поспешности. И я знаю, как он признателен мне за всё, что я дарю ему от щедрот своих.

77

Нынешним воскресным утром я был дома один – Элиза ушла к мессе. И вдруг один из голубиных домиков, на крыше которого о чем-то грезил Адонис, а внутри сидела с новорожденными птенцами белая голубка, рухнул – гвоздь, на котором это хрупкое жилище было укреплено, не выдержал его веса. Можно вообразить себе масштабы катастрофы – птенцы, полумертвые от ужаса, оглушенные падением, лежащие под обломками; родители, в панике летающие вокруг них, потрясенные этим внезапным крушением, – но, кажется, всё-таки не так сильно, как я сам.

Одного из голубят, пострадавшего серьезнее других, мы на период исцеления посели-

ли в кухне, и он полюбил возвращаться сюда после того, как выздоровел. Он свободно летал по всей кухне, усаживался на шкафчики и полки. Видя, как ему здесь нравится, однажды мы позволили ему остаться на ночь.

78

Вечером Элиза зашла в кухню – «Как там устроился месье?» – и обнаружила его на засушенной розовой ветке, стоящей в китайской вазе. Мы по очереди наблюдали за ним с порога, но ничто его не смущало. Какое-то время он покачивался на ветке, затем как следует потоптался по ковру и наконец перелетел на дверь – и всё это без особой спешки, спокойно, чувствуя себя как дома. Столь полное отсутствие страха, возможно, было когда-то у животных в Раю.

Во вторник на пасхальной неделе юный голубь, метис двух пород, родившийся месяц назад, впервые вылетел из гнезда. Для всей стаи это было целое событие. Даже куры, живущие по соседству, приняли участие в торжестве. Сначала голубенок, боязливый и как будто застенчивый, сделал несколько робких ковыляющих шагов по тропинке, но потом захлопал крыльями и взлетел на крышу курятника. За ним последовали его родители, которые стиснули его с двух сторон, словно в поздравительных объятиях. Должно быть, непривычные усилия заставили птенца проголодаться, и отец, более внимательный, это заметил и принес ему что-то в клюве. Какое это должно быть болезненное

и в то же время нежное ощущение для любящего родителя – когда маленький, еще мягкий клювик с жадностью проскальзывает в его собственный клюв, так глубоко, словно хочет вырвать из груди сердце, – но довольствуется лишь размягченной пищей, которая для него является чем-то вроде материнского молока для младенца.

Его белое оперение было слегка запятнано пометом, устилавшим гнездо изнутри, и юный голубь, казалось, от этого страдает – то ли из-за врожденного пристрастия к чистоте, то ли из-за уже пробудившегося кокетства. Сначала он поочередно развернул крылья, словно два веера, подставляя их солнцу, чтобы просушить; затем начал приглаживать клювом каждое перо по отдельности. Он был явно восхищен тем неожиданным открытием, что его невероятно гибкая шея позволяет дотянуться даже до самых кончиков хвостовых перьев. Вскоре он догадался, что лапы тоже могут помочь ему прихорашиваться: поочередно заводя их за спину, он стал вычесывать ими оперение, словно скребницами, до тех пор, пока полностью не избавился от следов пыли и грязи, портивших его роскошный наряд.

Отец, в свою очередь, взял на себя заботу о том, чтобы почистить ему глазки, затылок и навести лоск на жабо. Мать, белоснежная голубка, слегка отстраненно наблюдала за этими процедурами, очевидно, полагая, что освобождена от дальнейших обязанно-

стей по уходу за птенцом после того, как полностью завершила свою миссию – высидела и выкормила его, – но они с отцом были одинаково горды тем, что произвели на свет такое чудо.

80 Новый выводок – на сей раз два птенца вместо одного, тоже метисы, очень необычные на вид. Они тоже родились от одной из двух белоснежных матерей и дикого голубя. У более резвого оперение цвета лунного камня, отливающее молочно-голубым, воротник – чуть рыжеватый, горлышко – розовато-изумрудное. У другого оперение темно-серое, как бы подернутое траурным крепом, и темные, словно у ястреба, глаза, чей сумрачный взгляд отражает скорбь о выпавшей ему участи – появиться на свет среди холода и лишений, в стылом сердце зимы.

Невозможно выразить словами всю разнеженную теплоту этой послеобеденной воскресной поры. Мое тело будто стало невесомым; у открытого окна, возле которого я сижу за столом, порхают голуби, веерами распахивая крылья, овевающие меня прохладой. Они повсюду; они уже настолько фамиллярны со мной, что им случается испражняться на мои бумаги или заниматься любовью на спинке моего кресла.

Бланш, белая голубка, когда усаживается напротив меня и вытягивает шею, словно

тянется ко мне всем своим существом, напоминает одну из алебастровых статуэток, изображающих Непорочное Зачатие, – Мадонну, чье лицо закрыто вуалью, а руки спрятаны в рукава длинного одеяния, ниспадающего до кончиков босых ступней и украшенного единственной розой. Она так близко, что ее белое оперение застилает мне весь остальной мир. Святой Дух – вторая белая голубка – тоже рядом и не менее рада меня видеть.

81

Она была здесь на протяжении всего этого святого дня – сидела на перекладине, удерживающей открытым окно, возле которого я работал, и поглядывала на меня веселым рубиновым глазком; ее розоватый клюв, слегка напоминающий гурмански сложенные губы в предвкушении пиршества, казалось, улыбался. Но не всегда. Если я отвлекался, принимал отсутствующий вид, погружался в чтение или увлеченно писал, она чувствовала себя позабытой и словно бы хмурилась; я даже явственно слышал ее ворчание – она меня упрекала. Но когда я давал ей понять, что заметил ее присутствие и очень этому рад, начинался настоящий праздник. Стоило мне подняться и направиться к своим запасам конопляного семени, как она радостно встрепенулась, а едва заслышав шорох сыплющегося зерна, стала пританцовывать, и на сей раз в ее ворковании, помимо удовольствия, звучала благодарность.

Бланш, которая, должно быть, догадывается о моей слабости к ней, играет на этом; я хочу сказать, что она, по тайному сговору со своими собратями, играет для них роль добытчицы.

82

И в самом деле, когда я уступаю ее намекам и уговорам и вволю угощаю, вся стая тут же слетается, чтобы разделить с нею мои щедроты, которые она заслужила своим терпением и настойчивостью.

Есть ли у меня более важная обязанность, чем стать прилежным историографом моих птиц? Нет.

Вот, например, я наблюдаю за ними, когда они едят.

И подумать только – Бланш, единственная из всех, в короткий миг между двумя склеванными зернами бросает на меня взгляд, полный признательности!

Ах, каким мрачным и унылым был бы наш дом без этих шелестящих в воздухе крыльев! Иногда их шум, напоминающий аплодисменты, сопровождает произнесенные мною фразы – но, конечно, только в тех случаях, когда речь идет о самих крылатых существах.

Увы! сегодня голубенок-инвалид выпал из гнезда. У него на спине под перьями скрывается небольшое утолщение, которое придает ему вид старой дамы, горбатой и плотно укутанной.

Когда другие голуби-самцы, побуждаемые своими супругами, прилетают ко мне требовать еды, этот горбун решается склевать только то, что высыпалось из кормушки, – то есть в буквальном смысле довольствуется крошками с чужого стола.

Он так трогателен – чувствуя себя отверженным, все же старается не выказывать страх.

83

С некоторых пор этот маленький голубь-калека начал прилетать к моему окну и энергично стучаться клювом в стекло – может быть, потому что сохранил в памяти мои заботы о нем в то время, когда он еще не покидал гнезда. Застенчивый со своими собратьями из-за своей ущербности, со мной он, напротив, общителен и даже фамильярен. Мне вероятно льстит его доверие!

Напрасно я не пишу чаще о моих голубях. Они всё больше осваиваются в доме, куда залетают непринужденно, как в голубятню, порхают у меня над головой, садятся на плечи, ходят по бумагам и оставляют на них пометки, клюют мою еду. Очевидно, к этому располагает моя невозмутимость и неподвижность – целыми часами я сижу на одном и том же месте. А что если они считают меня болваном? Но я все же предпочитаю думать, что они меня любят.

Абсцесс на спине недавно родившегося голубенка, похожий на горб, наконец прорвался, а потом постепенно исчез, сменив-

шись глубокой вмятиной у основания шеи. С тех пор я часто наблюдаю одну и ту же любопытную картину, подойдя к гнезду. Это нечто вроде гигиенической процедуры: братья, а за ними и родители птенца поочередно приближаются к нему и опускают клювы в ямку, очевидно, вычищая остатки нагноения, не различимые человеческим глазом, а затем смазывают ее тем веществом, что заменяет им слюну.

Иногда, если Бланш где-то путешествует, я остаюсь наедине с ее сестрой, голубкой Святой Дух, на протяжении всего дня.

Танец, который исполняют голуби, делая один поворот меж двух реверансов, напоминает наш менуэт или «разговорный вальс», в котором фигуры повторяются, сопровождаемые комплиментами. Возникает соблазн увидеть в этих движениях зашифрованный язык любви – но как тогда объяснить, что Лунный Пьеро, научившись летать и покинув гнездо своих родителей, каждое утро является приветствовать их и совершает перед ними те же самые поклоны и пируэты? Может быть, это просто форма вежливости, выражающая сыновнее почтение задолго до того, как начинает служить выражением страсти? Тогда, скорее всего, должна существовать разница в темпе и ритме движений; но то, что легко распознают крылатые существа, ускользает от нас.

Наши куры-леггорны облюбовали для себя голубятню. С этим невозможно ничего поделаться! Они приходят нестись прямо на виду у голубей, высиживающих птенцов, и те, в конце концов утомившись от непрерывного квохтанья и будучи более умными или не столь упорными – что, возможно, одно и то же, – в конце концов улетают.

85

Королева

Бланш, белая, белоснежная, приблизилась ко мне почти вплотную и смотрит вопрошительно и беспокойно. Чего же она хочет? На сей раз в ее взгляде сквозит что-то новое, непривычное, не то, что я замечаю в тех случаях, когда она просит у меня только зерна.

Может быть, она хочет сообщить, что Адонис, ее красавец-голубь, который ее обожал и которого любила она, исчез? Мало-помалу раздражаясь от моего непонимания, она вспархивает, пролетает у меня над головой, кружит над книжными шкафами и наконец, не найдя лучшего места – или движимая благоговением, – садится на голову святого Иакова Компостельского, чей бюст стоит в нише над дверью моего святилища. Я специально разбудил Элизу, чтобы показать ей такое чудо.

Половина седьмого утра. Королева Бланш, перелетая с полки на полку, добралась до моего рабочего стола. Она неторопливо расхаживает вдоль моей руки, покле-

вываает бумагу, на которой я пишу, и наконец усаживается на высокую стопку книг, которая накрывается и обрушивается, – но крылья не дают голубке упасть.

86

Можно подумать (я так и думаю), что, когда голуби ласкаются и нежно трутся друг о друга шеями, самцы окрашивают своим роскошным блестящим оперением белоснежные боа своих подруг. Мне кажется, что я различаю на густых белых перьях, напоминающих горностаевую оторочку королевской мантии, розоватые и зеленоватые искры, вспыхивающие здесь и там, – но столь слабые, что их легко принять за иллюзию. Возможно, мои глаза, отражая эти краски, без моего ведома смешивают их и заставляют поверить в это волшебное перенесение, не заботясь о реальности.

Сегодня в пять утра все мои голубы уселись в ряд на коньке крыши прямо напротив меня. В лучах восходящего солнца они были похожи на драгоценные жемчужины, переливающиеся всеми цветами радуги, а свет луны, еще не полностью скрывшейся с небосвода, окружал их мягким ореолом, придавая этой чарующей картине оттенок нереальности.

Какую трогательную сцену я наблюдал сегодня утром в том углу сада, где обосновалась голубиная чета!

Отец, дикий голубь, сидел на яйцах в гнезде, высунув голову из окна домика и лю-

буясь матерью (белой голубкой Святой Дух), которая на крыше кормила недавно вылупившихся птенцов, чем-то напоминая пеликана из средневекового бестиария, питающего детей кровью своего сердца.

Но для того, чтобы оценить по достоинству всё очарование этой домашней картины, надо было слышать писк голодных птенцов и наблюдать, с какой жадной поспешностью они вонзали чуть не в самую глубину материнской гортани свои клювы, по счастью, еще не слишком твердые и острые.

87

Всё больше осваиваясь в доме, голуби становятся всё более развязными – то и дело они перелетают с моей головы на голову святого Иакова Компостельского.

Когда я продемонстрировал это Оливье Давиду, одиннадцатилетнему внуку Жюль Сюпервьеля *, тот воскликнул: «О, месье, так выходит, что для них этот святой – не более святой, чем вы!»

Я: – Это оттого, что животные никогда не ошибаются. Ну, по крайней мере, на мой счет.

Оливье: – Месье, я не то хотел сказать. Я имел в виду, что для них и вы, и этот святой – просто жердочки!»

Двое голубят, порхающих туда-сюда мимо моего окна, порой украшают собой

---

*Жюль Сюпервьель (1884–1960) – поэт.

каменный карниз, образуя на нем подобия прихотливых лепных украшений во время своих шуточных драк или дружеских ласк. Порой они притворяются, что готовы выклевать друг другу глаза, порой чистят и приглаживают друг другу перья. Сестра, белая голубка, умело справляется с этой задачей – даже свой собственный туалет она совершает, изящно поворачиваясь, словно танцует; ее брат, пошедший в отца – дикого голубя, простирается перед ней ниц, приглашая вспрыгнуть на него, прежде чем самому вспрыгнуть на нее. Они родились всего три недели назад, у одних и тех же родителей, и в их играх нет ничего, что могло бы привести к кровосмешению: оба еще слишком малы. Это только ритуал, обряд, подражание взрослым – как у детей, которые изображают «взрослую любовь», не достигнув половой зрелости.

Ангел

Он упал в гущу моей стаи прямо с неба – красавец-голубь, на каждой лапке у которого было по кольцу.

Началась пора отпусков. Был ли он брошен хозяином, который уехал из города и не взял его с собой? Или же он улетел из клетки и решил не возвращаться в нее, пустившись на поиски приключений, – но, не приспособленный к вольной жизни, вместо них нашел только опасности и решил обосноваться среди собратьев? В тот же вечер, когда я впервые

заметил его среди своих голубей, мы подружились. Я спокойно мог брать его в руки, без всякого сопротивления или опасения с его стороны. Он почти ничего не ел, возможно, от тоски по дому, а с наступлением ночи, то ли не получив разрешения стаи устаиваться на ночлег рядом с ней, то ли не пожелав этого сам, – прилетел ко мне под окно и начал настойчиво стучать клювом в стекло. Вид у него был обескураженный – он явно просил у меня убежища, и я впустил его в кабинет, где он заснул на стопке книг, предварительно не без удовольствия поклевав их корешки.

На следующее утро он проснулся очень рано, даже раньше меня, и я приоткрыл для него окно, чтобы он мог улетать и прилетать когда захочет.

Мне нравится думать, что он посланник какого-то божества, и я обращаюсь с ним почтительно, словно с Иридой или Гермесом.

Его жемчужно-серое оперение переливается фиолетовыми и синими отблесками, подобно опалу. У него крепкая и в то же время изящная шея и голова с чуть приплюснутым лбом, придающим ей треугольную форму.

Его безразличие к еде, его всегдашнее благодушие мало-помалу примирили с ним всю мою крылатую банду, которая, впрочем, продолжает относиться к нему с пренебрежением, примерно так же, как и ко мне самому. Они то и дело толкают его или наперебой перепархивают через его голову, словно в чехарде. Но он терпелив и предупредителен. В его

глазах сквозит та же мечтательность, которую порой можно заметить у ослов. Мы называли его Ангел.

Но прошла всего неделя – и он исчез.

90

Отныне моя любимица – самая миниатюрная голубка во всей стае. От кого-то в своем роду она унаследовала черные крылья поверх оперения цвета слоновой кости и узоры наподобие греческого меандра, словно тонкой кистью прорисованные на длинном шлейфе хвоста.

Но самая оригинальная ее черта – маленький острый хохолок, венчающий голову.

Из-за трогательной хрупкости ее облика и огромных глаз, чей пристальный взгляд то и дело обращается ко мне, я назвал ее Вероникой.

К ней одной я обращаюсь, когда она является ко мне в окружении своих собратьев, и для них это не остается незамеченным, – но сама она, кажется, не придает этому особого значения.

Поначалу из-за ее необычного вида собратья всячески ей досаждали; однако, не раз убедившись, что она способна вызывать рассыпаемую мной небесную манну, стали чтить ее как верховную жрицу племени. Столпившись на карнизе у моего окна, они специально выставляют ее вперед, в надежде, что окно сейчас распахнется, и моя рука, сжимающая лакомство, покажется наружу.

Что до самой Вероники, все более горделивой и растроганной тем, что я, отличая ее, добился для нее особых почестей со стороны ее братьев, – она, это воплощение благодати, часто отвлекается от еды, чтобы одарить меня долгим внимательным взглядом, преисполненным признательности и, быть может, любви.

91

Я зашел повидаться с Колетт *, и мы долго беседовали о животных и растениях.

– Когда я в детстве шла гулять с друзьями, – вспоминала она, – моя мать всякий раз говорила: «Только не шляйтесь допоздна, и боже вас упаси заснуть на конопляном поле!» Я долго не могла понять, в чем смысл этого запрета. Но теперь я это знаю, как и то, отчего ваши голуби так охочи до конопли. Это оттого, что конопля относится к тому же семейству растений, что и гашиш, и обладает в той или иной мере теми же свойствами. Как у людей, так и у птиц она вызывает нечто схожее с опьянением и порождает странные видения. Вот как раз от них и их последствий моя мать хотела нас уберечь.

Я наблюдаю за голубями, порхающими вокруг садового столика, за которым мы обедаем. Одна из голубок, усевшись на каменный бордюр цветочной грядки, слегка испачкала хвост еще влажной после полива землей –

---

*Колетт (1873–1954) – писательница.

и вот она делает точно такое же движение, как светская дама, которая, поводя мыском тупельки из стороны в сторону, чуть встряхивает и расправляет складки шлейфа, чтобы те ниспадали во всем своем великолепии.

Влюбленная пара голубей рассекает воздух. Затем они усаживаются на вершину пилестры прямо напротив меня. Юная белая голубка занимает место первой. Она выпрямляется во весь рост – кажется, что она касается каменного выступа лишь кончиками хвостовых перьев. Ее грудь выставлена вперед насколько возможно, голова горделиво вскинута – словно у божества, ожидающего почестей и подношений верующих. Ее возлюбленный, дикий голубь, добровольно соглашаясь на такое распределение ролей, танцует вокруг нее ритуальный танец, обходя ее то слева, то справа, в то время как она смотрит прямо перед собой, притворяясь, что его не замечает, но на самом деле как будто подсчитывает про себя все его повторяющиеся поклоны и пируэты, словно подчиненные какой-то внутренней мелодии, слышимой только им обоим, – и после того как он совершает их ровно столько, сколько нужно и как подобает, она мгновенно сбрасывает с себя оцепенение, чтобы, в свою очередь, приветствовать его поклоном. Покончив с необходимыми ритуалами, они сливаются в бесконечном поцелуе.

После трапез моих голубей в саду остается столько хлебных крошек и семян, что сюда слетаются птицы со всей округи – малиновки, трясогузки... Вот прямо сейчас с крыши соседней веранды за мной наблюдает дрозд, ожидая, когда я наконец оторвусь от бумагомарания, чтобы его угостить. Я не хочу больше испытывать его терпение и спешу доставить ему удовольствие.

93

Юная белая голубка, вошедшая в брачный возраст, с некоторых пор часто уединяется со своим спутником на фризе крыши, где они становятся клювом к клюву, распахивают крылья и изображают сражение, насакивая друг на друга и нанося удары всем корпусом. Сегодня один из их братьев решил сыграть с ними дурную шутку и в самый разгар их маневров специально явился, чтобы им докучать, – так не в меру любопытные родственники или слуги с утра приносят новобрачным завтрак в постель. Вряд ли он избежал бы возмездия, если бы его не поддерживала вся развеселая стая, следовавшая за ним. Но всеобщая суматоха продлилась буквально несколько секунд и сменилась чем-то вроде воздушного парада, все участники которого в равной мере продемонстрировали как свою учтивость, так и хорошее настроение. Они разделились на две группы по цвету оперения, взмыли в воздух и, выстроившись в две ровные линии, полетели навстречу друг другу. За миг до полного сближения дикие го-

луби разлетелись в стороны и заняли места с двух концов шеренги белых голубок, затем всё повторилось, только наоборот; потом голубки уселись неподвижно, а голуби принялись выписывать по воздуху сложные фигуры вокруг них, – и вновь те и другие поменялись ролями.

94

Любитель кур удивляется, как мне удалось привязать к себе моих семерых голубей до такой степени, что они практически никогда не покидают нашего сада. И в самом деле, они всё время пребывают в этих границах, как бы те ни были тесны, добровольно ограничив ими свое существование. Целый день они наблюдают за мною с фриза крыши, расположенного над входом, а я из своего окна смотрю на них. Порой я чувствую себя зрителем в театре – когда они, будто специально для моего развлечения, затевают шуточные бои.

Мы с Элизой обедали в саду. Перед каждым стояло блюдо с голубенком. Родители и братья наших жертв танцевали в воздухе фарандолу вокруг нас, не подозревая о том, что именно мы подцепляем вилками и подносим к губам.

Самые изящные и горделивые позы голуби принимают, совершая свой туалет. Невольно удивляешься, как они ухитряются сохранять равновесие, дотягиваясь клювом до кончиков крыльев или перьев хвоста.

Когда очередь доходит до жабо, они изгибают шеи с изяществом лебедей и даже становятся похожими на них. Они собирают перья в букет или топорщат их во все стороны, словно распахивая веера, а затем вычищают, разглаживают, наводят на них лоск. Иногда они объединяются двое на двое для этих процедур и выполняют друг для друга, поочередно или взаимнообразно, всё то, что никому из них не удалось бы сделать в одиночку. Каждый склоняет голову перед напарником, предоставляя ему, например, почистить себе воротник или перья на затылке; затем они меняются ролями. Мне случалось наблюдать за коровами, пасущимися на лугу, которые тоже оказывали друг другу подобные мелкие услуги.

С тех пор как Дафнис влюбился в Хлою, сломанное перо на его крыле выглядит как меч на поясе странствующего рыцаря.

Я всегда узнаю его, даже издалека, по этой примете, которая придает ему залихватский вид.

Розе, самый красивый из голубей-самцов, сын белой голубки и дикого голубя, носит роскошное облачение цвета лунного камня под мантией бежевых крыльев и светло-розовый воротник, чуть отливающий изумрудно-зеленым. Ангел, который время от времени прилетал по вечерам, чтобы порадовать нас

своим присутствием, похитил его у меня в начале весны. Однако Розе не смог полностью забыть наш сад – свою родину, и каждую неделю нас навещает. Он всегда прилетает с правой стороны и улетает в том же направлении. Где он живет? Загадка. Какое-то время он сидит на крыше, издалека наблюдая за мной, но запрещает себе приближаться. Может быть, он втайне стыдится, осознавая свою неблагодарность? Он словно перешептывается о чем-то со своими собратьями, затем наносит краткий визит вежливости родителям. Но когда я зову его, сжимая в руке горсть конопли, он улетает.

14 июля 1949 года наши гости то и дело поднимались с первого этажа, где мы все собрались праздновать, на третий, в мой кабинет, чтобы полюбоваться на двух голубят, которых мне пришлось забрать к себе из соседнего дома, где их присутствие беспокоило кого-то из жильцов. Я устроил им гнездо в коробке, подвешенной к окну. Какое-то время я кормил их сгущенным молоком, дожидаясь, пока отец и мать отыщут и распознают своих детей, которых они до этого растили в доме напротив. В самом деле, те довольно быстро их нашли – перемена жилища не смогла помешать безошибочному родительскому инстинкту.

Вот так, общими усилиями, птенцы были спасены. Опасаясь кота, мы с Элизой держали двери и окна закрытыми, даже когда были

дома одни. Как было пренебречь этой предосторожностью в суматохе праздничных визитов?.. И вот, когда я поднялся наверх уже, наверное, в десятый раз, сопровождаемый мадам *P. L.*, которой был особенно горд представить моих питомцев, – мы одновременно испустили вопль ужаса. Фигаро, застигнутый на месте преступления, выпрыгнул из коробки, оставив там единственного живого птенца, дрожащего всем тельцем, рядом с трупиком брата, которого, судя по всему, только что загрыз у него на глазах. Если бы мы промедлили еще хоть секунду, без сомнения, второй птенец тоже был бы мертв. Могу вообразить себе ужас этих двух безобидных существ, чей всегдашний покой в этот вечер был нарушен явлением черного хищника с зелеными глазами, острыми клыками и когтистыми лапами.

Вне себя от ярости и горя, я бросился вслед преступнику и гнался за ним до самых густых зарослей в саду, где под сенью кедра у нас наконец состоялось трагическое объяснение.

Когда я вернулся к гостям, кто-то из них спросил, что между нами произошло.

– Увы, – ответил я, еще опьяненный кровопролитием, – он попытался вцепиться когтями мне в лицо – как будто для того, чтобы подтвердить его право на разбой и обезоружить меня, недостаточно было одного взгляда его сверкающих глаз, как никогда прекрасных после свершившегося преступления.

О, этот крик, который я испустил, увидев мертвого птенца рядом с живым! Может быть, для последнего было бы лучше разделить участь брата. По крайней мере, у него не осталось бы воспоминания об ужасной бойне и страха перед возвращением кровожадного монстра. Мертвые уже не страдают; но как знать, кто страдает больше всех? Не убийца ли – из-за той боли, что он мне причинил? Я прочитал это в его глазах, как и то, что он, если бы мог, растерзал бы и меня, перегрыз бы мне горло – чтобы ослабить угрызения совести, утяжелив груз вины; по крайней мере, он больше не слышал бы моих упреков.

Всю ночь уцелевший птенец расхаживал по крыше у меня над головой. После смерти брата, растерзанного на его глазах, он перестал считать свое убежище безопасным и покинул его. Возможно, оставаясь под открытым небом, он больше не позволит застигнуть себя врасплох.

В четыре часа утра я встал, чтобы проверить, как дела у голубенка, а заодно разъяснить для себя одну странность, не дававшую мне покоя со вчерашнего вечера: почему с тех пор, как голубенок улетел на крышу, ни один из семи старших голубей ни разу не спустился вниз, в сад, где я оставил для них корм?

Сначала я подумал, что дело в невыносимой жаре, отбившей у них аппетит.

Но нет. Рассыпанные по земле семена конопля – лакомство, перед которым они никогда не могли устоять, – оставили их равнодушными. Но когда я насыпал семян в кормушку за окном, до которой кот совершенно точно не мог добраться, – они тут же слетелись пировать.

Наконец я пришел к единственному заключению: вся голубиная стая предпочла терпеть голод, лишь бы не спускаться на землю, куда птенец неизбежно последовал бы за остальными, – чтобы не подвергать его опасности сделаться добычей нашего или соседских котов.

Такая солидарность произвела на меня глубокое впечатление. Конечно, подобной жертвенности можно было ожидать от родителей птенца – но от всей стаи, если не от всего голубинового племени?.. Это превосходит всякое понимание и заставляет верить, что владычество инстинкта над разумом гораздо могущественнее, чем принято считать.

ДУДУ

В письме, отправленном портному, который подарил мне его, я писал: «Он родился в Шаминадуре* и знал мою мать – уже одного этого было бы достаточно, чтобы я к нему привязался. Но он мне мил и сам по себе, к тому же недавно перенес множество страданий. Из-за жадной торопливости, с которой он обычно ест, он подавился кроличьей костью, и его пришлось отвезти к ветеринару, где он подвергся мучительной процедуре ее извлечения. Теперь ему разрешено питаться только овсянкой и, зная его, могу предположить, что для него это наихудшая из пыток.

Как я уже писал, наши нынешние трудности с продовольствием вынуждают меня порой отсылать его столоваться к моей соседке, которая любит его не меньше меня. Поскольку вы с детства приучили его есть только мясо, которого у нас сейчас нет, а у нее есть в изобилии, Дуду не заставляет долго себя упраши-

---

*Так Марсель Жуандо называл в своих книгах город Герет, где он родился.

вать, когда я направляю его к ее дому, дорогу к которому он уже хорошо изучил. Однако он удаляется от меня не слишком быстро, со всем возможным тактом и деликатностью. Он никогда не забывает о своих обязательствах по отношению ко мне, и речь не только о том, чтобы исполнить долг вежливости. Например, он всегда спешит мне навстречу, когда я возвращаюсь домой, не говоря уже о том, что регулярно наносит мне визиты, когда я у себя.

101

И, без сомнения, его жадность привела бы его к гибели, если бы наша соседка его не спасла. Видели бы вы его с этим огромным воротником из жесткой ткани, который он вынужден носить после операции! Надо сказать, что Дуду не слишком стремится от него избавиться и носит со всей элегантностью, которая превращает этот грубый ошейник в церемониальное облачение».

Во взгляде Дуду, пьющего из лужи в саду под дождем и поминутно оглядывающегося на меня, явственно читается нерешительность: прекратить ли утолять жажду, прежде чем я закрою входную дверь, или положиться на то, что у меня хватит терпения его подождать?

Дуду настолько умен, что порой мне кажется, будто у него человеческое лицо, на котором сияют огромные зеленые глаза.

Я не могу избавиться от ощущения, что его кошачья наружность – всего лишь неплотная легкая маска, которую того и гляди сдует ветром.

Сколько умения и изворотливости понадобилось Дуду, чтобы установить в равной степени дружеские отношения со мной и нашей соседкой Ивонной и поочередно использовать нас, когда нужно не просто утолить голод, но еще не изменить при этом своим гурманским пристрастиям!

Дуду сидит на моем столе и поет о том, как он мне благодарен и меня боготворит. Неужели Ивонна посмела ему в чем-то отказать? Или разбранила за какую-то провинность? Но, скорее всего, он просто соскучился по моим ласкам. Какую утонченную игру ведет этот великолепный зверь меж двух своих друзей!

В этот вечер я был болен и обмотал голову платком (у меня сильно стреляло в ухе). Не смотря на мой нелепый вид, Дуду меня узнал, бросился ко мне и мгновенно проскочил между моих ног, рокоча, словно маленькая паровая машина. Я чуть не упал. Он часто прибегает к подобным трюкам, если хочет, чтобы его заметили. Я давно уже перестал обращать внимание на эти клоунады. Но он, кажется, думает, что я притворяюсь. Со стороны мы оба выглядим полностью равнодушными друг к другу.

Я продолжил путь, и, поскольку он сильно меня обогнал, я обнаружил его сидящим на лестничной площадке возле двери моего кабинета, с нарочито рассеянным видом, – он был совершенно уверен, что заслужил свой триумф. Конечно же, я подхватил его на руки, расцеловал и внес в кабинет, где он расположился с королевской небрежностью, как в своих законных владениях.

103

Если быть личностью означает обладать чувством собственного достоинства, а быть индивидуальностью – облекать это достоинство аурой величия или, по крайней мере, своеобразия, которое располагает к нему и свидетельствует о нем, – Дуду, безусловно, личность и даже почти индивидуальность.

Далеко не все люди предъявляют к себе столько требований, как этот кот, – для того, чтобы полностью убедиться, что заслуживает почтительного отношения. Ничего не поделишь, он стареет, и печальные последствия одряхления делают его общество менее приятным. Однажды я заперся от него, чтобы поспать одному, и это настолько его оскорбило, что он на два дня исчез из дома и при всем своем гурманстве не появлялся даже чтобы поесть – так сильно были задеты его гордость, его самолюбие. Какая чувствительность! Какая благородная горечь!

Сегодня утром я случайно обнаружил убежище, где он так долго дулся на меня, и со всеми почестями препроводил его обратно

в дом. И вот он снова здесь, рядом со мной – лежит на моей кровати, позабыв недавние тяготы изгнания.

104 Однако он как будто почувствовал, что в наших отношениях что-то изменилось. Если раньше он самовольно забирался ко мне под одеяло, то теперь всегда располагается поверх него и ждет разрешения проскользнуть внутрь. Но поскольку эти ожидания напрасны, он в конце концов поворачивается ко мне спиной, чтобы ясно продемонстрировать свое недовольство.

В тот момент, когда блюдо переходило из рук отца Кутюрье в руки отца Конье, Дуду, раздраженный ароматом заячьего рагу (но как он сумел пролезть, преодолев все преграды, под подлокотник кресла одного из этих почтенных Божьих слуг?!), с молниеносной быстротой схватил часть спинки и удрал с ней в зубах, попутно забрызгав соусом белое облачение доминиканца и черное – ораторианца, не говоря уже о скатерти и ковре, – к величайшему негодованию Элизы, бросившейся за ним в погоню.

Иногда я позволяю себе, исключительно в шутку, слегка дернуть Дуду за хвост. Тогда он оборачивается и, глядя на меня с такой надменностью, что я чувствую себя униженным, словно говорит на своем кошачьем языке примерно следующее (но гораздо более красноречиво):

– Значит, ты все еще настолько легкомыслен, что способен на такие глупые шутки? Это в твои-то годы! Неужели ты совсем не ощущаешь трагизма этой жизни? Не чувствуешь величия ни своей, ни моей личности? Но даже если так, ты мог бы, по крайней мере, с уважением отнестись к моему возрасту – раз уж не уважаешь свой, и к моей неизлечимой меланхолии – раз уж взял эту дурацкую манеру быть счастливым! Какая пошлость!..

Проследивать логический ход мыслей Дуду в тех или иных его действиях очень интересно. Например, в первые дни пребывания в нашем доме он повадился справлять нужду в ванну, очевидно, рассудив, что от этого будет меньше ущерба, чем если он испачкает паркет или ковер. Но на этом он не остановился и изобрел следующий трюк: всякий раз, сделав свои дела, он сдергивал с вешалки полотенце, набрасывал его поверх оставленной кучки и затем, царапая и сминая ткань, словно это была земля или песок, почти полностью заворачивал в нее свои грехи.

Это двойное проявление недюжинной сообразительности вызвало у меня оторопь.

Порой у меня возникает уверенность, что Дуду сознательно ведет себя так, будто изменяет Элизе со мной – и гордится этим, как удачной проделкой.

Может быть и так, что моя дружба усиливает в его глазах ценность его собственной.

Однажды я сидел за столом и писал, а он лежал на стуле у меня за спиной, словно опоясывая меня своим телом. Не знаю, что вдруг на него нашло, но он начал нежно, почти любовно покусывать мою свободную левую руку – от бугорка Венеры до большого пальца, – очень осторожно, стараясь не поранить и тем более не прокусить кожу, хотя иногда нарочно притворяясь, что готов отгрызть всю руку целиком. Что больше всего удивило меня в этой игре – ею обычно забавляются котята, а Дуду было на тот момент уже больше десяти лет.

ФИГАРО

Анри Роде*

107

У нас новый кот, получивший имя Фигаро – за ум и изворотливость, которые он проявил, чтобы проникнуть в наш дом, и уловки, которые он непрерывно изобретает, чтобы в нем удержаться, вопреки всем и вся. И в конце концов он добился своего. Одного за другим он очаровал и завоевал нас всех. Но любим ли мы его просто за то, что он есть? Бесспорно, он красив – у него пушистый хвост и огромные, словно распахнутые от постоянного удивления глаза, напоминающие фары игрушечного автомобиля. Ничего общего с грустным взглядом, меланхоличным настроением и надменным видом старого Дуду, с которым он уже разделил пищу и кров, а теперь готовится разделить жизнь. Вульгарен ли он? Нет – он слишком умен, чтобы счесть его таковым.

Меня забавляет, сколь незначительную роль мы с его точки зрения сыграли в реше-

---

*Анри Роде (1917–2004) – писатель, друг и биограф Марселя Жуандо.

нии его участи – оставить его в доме или прогнать. Первым, кого он решил завоевать, соблазнить, был Дуду. И вот Дуду, который никогда не мог выносить присутствия своих собратьев не то что в доме, но даже в саду или где-то по соседству, не только пригласил Фигаро к нам в гости, но был очень рад, убедившись, что тот останется. Может быть, эта юная версия его самого стала для него отрадой. Он наблюдает за прыжками Фигаро без всякой зависти, напротив, с выражением почти человеческого счастья на своей кошачьей физиономии, словно говоря себе: «Ну что ж, пусть такая легкость мне уже недоступна, но он может ею наслаждаться; значит, когда-нибудь насладятся и другие, уже без меня».

Он чем-то напоминает Саула, любящего подростком-Давидом. Даже если Фигаро слишком уж разрезвится и его лихорадочная веселость добавит толику горечи к всегдашней меланхолии Дуду, – последний держит свои чувства при себе. Фигаро имеет право доесть остатки его трапезы и даже – ничего подобного я никогда не видел! – есть из его тарелки одновременно с ним. Если Фигаро ластится к Элизе или Анри, Дуду это совершенно не беспокоит. Есть только одна вещь, которая ему абсолютно запрещена, – мои колени. Я – трон, который будет принадлежать Дуду, и только ему, до конца его дней. Он бы охотно уступил Фигаро все остальные свои владения, не будь это величайшим от-

речением в истории, сравнимым лишь с отказом от престола императора Карла Пятого.

Можно подумать, что он готовится умереть и, тщательно выбрав себе преемника, решил устраниться от дел и понаблюдать, как будут развиваться события, чтобы в случае необходимости вмешаться или помочь советом. Возможно, это единственный доступный ему способ хоть ненамного пережить самого себя.

109

Поскольку я однажды позволил Фигаро в общении со мной некоторую развязность, Дуду, когда я захотел его погладить, раздраженно отдернул голову – в точности как преисполненная достоинства особа, чувствующая себя оскорбленной, отказывается принимать лесть того, кто ей изменил, – или, по крайней мере, поощрять ее.

В старости Дуду есть нечто аристократическое. Анри, который прожил с ним три месяца в наше отсутствие, мне это подтвердил: его изысканность зиждется на некой тайной грусти, сопровождающей его повсюду, словно длинный траурный шлейф. Его преисполненный меланхолии взгляд столь выразителен, что вы не можете остаться равнодушным – он покоряет вас, от него невозможно защититься.

Элиза говорит о нем: «Он не то что обедню – панихиду испортит». Дуду и в самом деле как будто носит траур по самому себе, предчувствуя скорую смерть.

Только его сдержанность делает его общество терпимым: он никому не докучает и бесшумно скользит сквозь череду дней, словно на цыпочках, одинаково быстро появляясь и исчезая, как будто уже стал тенью.

Его тоска, в сущности, затрагивает только его. Когда она одолевает его слишком сильно, он спешит уединиться, боясь, что его гнетущее настроение будет вам в тягость.

110

Если допустить, что именно Дуду сыграл решающую роль в предоставлении убежища Фигаро, то с его стороны это было воистину королевским благородством. Откуда у него, закоренелого холостяка, вдруг возникла эта единственная, столь поздняя привязанность? Была ли это слабость или вежливость с его стороны? О, он ничуть не изменил своим привычкам! Они с Фигаро не стали друзьями. Разве что Дуду смотрит на приближающегося к нему Фигаро без неприязни, почти приветливо. Иногда кажется, что он больше не может обходиться без своего младшего собрата. Как бы не так. Ему нравится наблюдать за резвящимся Фигаро издалека, лишь бы тот не приближался и не трогал его, – иначе будет изгнан без всяких церемоний.

Самым трудным для Фигаро было сделать первый шаг: как-то Дуду примет его в доме?.. Но всё обошлось – теперь они даже едят из одной миски. Постепенно Фигаро

добился для себя всех мыслимых привилегий, кроме одной, о которой я уже упоминал, – сидеть у меня на коленях.

Позапрошлой ночью, собираясь отдохнуть в тишине, подальше от их чехарды, я запер обоих на кухне, где они и заснули. Но это им явно не понравилось. Вчера, чтобы помешать мне проделать тот же трюк, они весь день не покидали моего кабинета, служащего мне и спальней.

III

Дуду забрался на высокий и узкий бельевой шкафчик. Фигаро пузом кверху развалился на кровати, ожидая меня. Я лег и погасил свет. Фигаро, болтливый как всегда, принялся что-то рассказывать мне на своем языке, одновременно пытаясь забраться ко мне под одеяло. Но, едва заслышав слабый шорох ткани, Дуду тигриным прыжком обрушился на кровать с четырехметровой высоты, одержимый ревностью при виде этой сцены. Удар лапой, укус, глухое ворчание. Драка переросла в настоящее сражение, которое разгоралось всё сильнее. Наконец ревнивец-победитель занял свое законное место, вытянувшись во всю длину вплотную ко мне и втайне торжествуя. Побежденному пришлось удовлетвориться местом в изголовье кровати.

Проснувшись утром, я обнаружил обоих лежащими по разные стороны от меня в тех же самых позах и очевидно довольными сформированным нами триединством. Ког-

да я рассеянно выпростал руку из-под одеяла, Дуду тут же завладел ею – сначала облизал, а потом улегся на нее. Чтобы согреть ее или согреться самому?

112

Кем предстает Фигаро в самых потаенных глубинах души Дуду? Может быть, кем-то вроде потустороннего двойника или аватара для будущего воплощения, в котором он после смерти надеется обрести былую гибкость, веселость и утраченный аппетит?.. Но это лишь мои пустые догадки. Одно я могу сказать наверняка: дружеские подначки и проделки Фигаро вновь пробудили давно утраченный интерес Дуду к еде и к жизни. После того, как он оставил свои гурманские привычки, ему было особенно тоскливо есть одному. Порой я замечаю в его почти угасшем взгляде нежность и даже нечто похожее на одобрение, когда он, давно отвыкший играть, наблюдает за кульбитами младшего собрата, словно говоря про себя: «Ну что ж, пусть я скоро умру – но жизнь продолжается!»

А что, если он, вопреки себе, по-настоящему влюбился в Фигаро?.. Я давно подозревал, что Дуду от природы гомосексуален – кошки всегда раздражали его гораздо сильнее, чем коты.

Нет, в самом деле, почему вдруг он, всю жизнь на дух не переносивший своих братьев, будь они близко или далеко, – на старости лет по уши втрескался в какого-то Фи-

гаро, – которого он, конечно, может порой отчитать за недостаток должной почтительности, но общество которого не только терпит, а даже, судя по всему, в некоторых обстоятельствах находит приятным – как если бы один только вид чужой молодости, резвости, отменного аппетита прибавлял сил ему самому?..

113

Все же эти два кота – удивительная пара. Один – угрюмый, молчаливый, дряхлый старикашка; другой – болтливый, веселый, ласковый, общительный. И тем не менее они не расстаются.

Так Давид облегчал страдания царя Саула, отягощенного годами и скорбями: благодаря его музыке тот забывал о них.

Сегодня я обнаружил Фигаро сидящим на ветке тиса, как птичка. Дуду, не способный туда забраться, сидел на земле у подножия дерева и смотрел на него без всякой зависти, даже с какой-то странной нежностью.

Теперь я знаю, что может быть лучше кота, – это два кота, которые всегда вместе. До чего увлекательно наблюдать за ними, когда они ссорятся, устанавливают границы, перекраивают их и оспаривают без конца.

Даже когда они едят из одной миски, сидя напротив друг друга, оба одновременно отрываются от еды, чтобы смерить друг друга подозрительными взглядами. Убедившись, что сотрапезник не готовит подвоха, продолжают

есть. Что это – бравада или бдительность? Вот они снова поднимают головы, и на сей раз глухо ворчат, словно каждый чувствует исходящую от визави угрозу. Но на самом деле это лишь демонстрация своей силы – силе противника, своего эгоизма – чужому, чтобы лучше дать почувствовать тому, кто сидит напротив, свою милость и снисходительность, которые оказываешь ему уже одним тем, что терпишь его присутствие, – так две корабельные эскадры, встретившись в открытом море, приветствуют друг друга выстрелами из пушек.

Без очков мне долгое время было трудно их различать – хотя Фигаро гораздо толще Дуду, – когда я встречал их по отдельности. Оба черные. Какой-то очевидной приметы не было ни у одного – до тех пор, пока не вмешалась сама Природа, оказавшаяся столь любезной, что на старости лет сделала усы Дуду еще более густыми и мохнатыми, к тому же абсолютно белыми. Этого вполне хватило, чтобы я научился его распознавать. Аналогичный феномен я наблюдал у Сезара, кузена Элизы, чьи ресницы с возрастом тоже стали необыкновенно густыми.

Животные, как и люди, могут быть утонченными или вульгарными. Дуду и Фигаро – наилучшее тому подтверждение.

Дуду, за которым я издали наблюдал сегодня утром, казалось, недовольно спраши-

вает себя, откуда здесь взялся Фигаро. Воистину, синдром Тиберия! Глядя на него с наигранной рассеянностью, он, словно внезапно пробудившись, думал примерно так: «Другой кот в моих владениях! Как это случилось? Кто ему разрешил? Он воспользовался тем, что я сплю, и решил, что может здесь обосноваться? Какая наглость! Что же, я больше не единственный из всех своих братьев, кого привечают в этом доме?» В тот момент в нем действительно было что-то от оскорбленного тирана.

СОДЕРЖАНИЕ

Истории о животных.....	7
Последняя милость для бездомных собак	17
Птичий двор	26
Гусыня	46
Фоллетт.....	48
Утки	59
Черепаша.....	64
Канарейки	66
Голуби.....	69
Дуду	100
Фигаро	107

Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют

Марсель Жуандо
МОЙ БЕСТИАРИЙ

Тесные, дружеские и при этом искренние, лишенные всяких недомолвок отношения у нас складываются только с животными. Они осыпают нас ласками, не отмеряя их, и дарят нам поцелуи без счета.

Те, кто отказывают себе в обществе собаки или кошки, даже не сознают, сколько они теряют возможностей по-настоящему познать себя, соизмеряя с этими маленькими существами, гораздо менее отличными от нас, чем нам кажется. Во многих случаях они имеют право гордиться собой гораздо больше, чем мы.

Марсель Жуандо
ШКОЛА МАЛЬЧИКОВ

В 1948 году шестидесятилетний Марсель Жуандо познакомился с двадцатилетним солдатом Робером Коке. Их любовный роман продолжался 12 лет. В книге "Школа мальчиков" собраны письма Робера и поклонника Жуандо Анри Роде (1917–2004), раскрывающие тайны этой истории. Лишь после смерти Жуандо открылось, что письма Робера писал Анри, подстроивший встречу своего кумира с юношей.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Марсель Жуандо
ЭТИ ГОСПОДА

В 1911 году Андре Жид написал эссе «Коридон», посвященное очарованию однополый любви. Через 40 лет философ Марсель Жуандо ответил ему своим «Коридоном»: размышления о природе гомосексуальности в его книге соседствуют с историями тех, кто знает толк в удовольствиях, непонятных большинству и ошибочно считающихся пороком.

Марсель Жуандо
НЕПРИСТОЙНЫЕ ПИСЬМА

Во мне метр семьдесят шесть сантиметров роста. В нем – метр девяносто. Мне нравится узнавать размеры его тела, его объем и вес. Я спешу обежать взглядом весь этот необъятный континент, задерживаясь там, где захочется. С ним – как осознать, где я, где здесь я, когда мы оба задыхаемся от непрерывных наслаждений, сплетаемся, отвечаем друг другу, понимая друг друга без слов. Мы словно движемся под сводами необычного храма, перемещаясь с места на место по всем его коридорам и тайным уголкам – чтобы в конце концов неизбежно оказаться перед входом в метро на площади Клиши.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в Москве:

«Фаланстер» Тверская, д. 17
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Циолковский» Пятницкий переулок, д. 8, стр.1
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» Ветошный пер., 9, «Никольский пассаж»

в Петербурге:

«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15
«Свои книги» Репина ул., 41
«Все свободны», Некрасова ул., 23
«Подписные издания», Литейный пр., 57

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
«Читай-Город» chitai-gorod.ru

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж обращаться в
ооо «Медленные Книги», тел. (495) 971-47-92

Все книги издательства можно заказать
в редакции на сайте kolonna.mitin.com

Марсель Жуандо
НОВЫЙ БЕСТИАРИЙ

Kolonna Publications,
Труdolюбия 45, 1, Тверь, Россия, 170006.
Сдано в набор 8.02.2020 г., подписано к печати
20.02.2020 г., формат 72X104/32, объём 6,5 п.л.,
тираж 500 экземпляров. Бумага офсетная, картон
целлюлозный, одностороннего мелования.
Отпечатано Калининским полиграфкомбинатом
Главполиграфпрома Комитета по печати при Союзе
Министров СССР, г. Калинин, пр. Ленина 5.